

роман грачев
КРАЙ НЕПУГАНЫХ

Роман Грачев

Край непуганых

«Издательские решения»

Грачев Р.

Край непуганых / Р. Грачев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903735-0

Добро пожаловать в идеальный параллельный мир — «правильную» Россию, в которой нам всем хотелось бы жить! Обитатели небольшого провинциального города Край гостеприимны и добродушны, не запирают двери домов, сами выбирают власть, чтут законы, гордятся страной, входящей в десятку ведущих экономик мира, и не боятся завтрашнего дня. «Сто пятьдесят лет стоял Край и простоит еще тысячу!». Однако все меняется, когда сквозь нору в пространстве в город проникают чужаки — наши люди...

ISBN 978-5-44-903735-0

© Грачев Р.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Часть первая. ЭДЕМ	9
1. Поезд ушел	9
2. Посмотрите налево, посмотрите направо...	19
3. Удар ослиного копыта	25
4. Попытка к бегству	36
5. Предлагаемые обстоятельства	43
6. «Денег нет, но вы держитесь»	47
7. Лучшая рыба – это колбаса	52
8. Давно не брал я в ноги мячик	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Край непуганых

Роман Грачев

Дизайнер обложки Роман Грачев

Редактор Роман Грачев

© Роман Грачев, 2018

© Роман Грачев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-3735-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Я недолго. Просто хочу кое-что пояснить.

Роман «Край непуганых» вырос из короткого рассказа, написанного в 2014 году. Группа известных и уважаемых общественных деятелей, в числе которых Борис Акунин и Юрий Сапрыкин, объявили творческий конкурс «Хорошие сценарии для России», предложив литераторам «пофантазировать на тему того, как могла бы выглядеть цивилизованная Россия, в которой всем нам понравилось бы жить». Дескать, антиутопиями о безнадежном тоталитарном будущем мы уже сыты по горло, аж повеситься хочется, а вот попробуйте написать – утопию.

Я и написал.

К сожалению, с конкурсом и моим участием в нем что-то не заладилось, но рассказ остался. Два года он пылился у меня на Складе Хороших Идей, пока я не решил вдохнуть в него новую жизнь (если слишком долго тянуть, Склад превращается в Кладбище). Мне показалось, что у этой короткой истории может быть развитие. И вот роман перед вами.

Разумеется, у каждого из нас свои представления о прекрасном, и я вовсе не настаиваю на том, что все было бы именно так, как описано в этой книге. Мы ведь и в самом деле не знаем, как жила бы страна, «у которой все получилось». Но одно могу сказать точно: лично я бы с удовольствием поселился в этом маленьком городке, жители которого не запирают двери своих домов и не боятся завтрашнего дня.

Вот, собственно, и все. Больше не смею вас задерживать.

Пролог

– А закон что дышло, сунул – да и вышло, в три-душу коромысло, никакого смысла...

Михалыч хмыкнул, радуясь найденной рифме, и прикурил очередную сигарету. Кажется, уже третью с утра. Скоро утренний кашель начнет разрывать его на куски.

Поднимавшееся над горизонтом солнце стало припекать. В соседних домах большого спального района начинался новый день: лаяли дворовые собаки, орал петухи, мамы готовили завтраки, отцы выгоняли из гаражей семейные минивэны. Город Край, как обычно, проснулся бодрячком.

– Я покажу вам мать Кузьмы, мы не рабы, рабы не мы...

Михалыч уже не знает, как долго живет в этом «заповеднике», где все нарочно устроено так, чтобы его злить. Десять лет? Двадцать? Поначалу он вел отсчет, когда память еще цеплялась за ускользавшее «светлое» прошлое, но со временем из-за длительных запоев калькулятор в голове стал глючить.

«Когда-нибудь ты окочуришься во дворе, пень старый!», – ворчала Софья, пытаясь стянуть со стола распечатанную бутылку местного самогона. Иногда ее попытки были удачными, но в последние годы Михалыч все чаще успевал дать жене доброго пинка и отстоять свое единственное в этой жизни завоевание – святое право отключиться... Нет, дело вовсе не в том, что он основательно подсел на стакан. Может, вообще все наоборот! Когда-то в молодости Михалыч не единожды задавал себе экзистенциальный вопрос: что первично – курица или яйцо? Иными словами, мы в России пьем, потому что нам так плохо, или нам так плохо, потому что мы пьем?

Молчит Русь, водки в рот набрала.

Они с Соней жили раньше в большом городе. Ну, скажем так, он был побольше, чем Край (чтоб его цунами накрыло!). Прожив после свадьбы вместе шесть лет, супруги поняли, что детей иметь им не суждено. Как ни пытались, каких врачей только ни посещали, ничего не помогло. Возможности медицины тех лет были весьма ограничены. Вот если бы сейчас им озадачиться потомством, глядишь, чего-нибудь и выгорело, но возраст, понимаете ли... да и привыкли они уже бобылять вдвоем. «Так и померем, взявшись за руки», – говорил иногда Михалыч в минуты просветления.

В остальном же все было относительно неплохо: он – при заводе, слесарь высшего разряда, Софья – мастер участка на крупной ткацкой фабрике. Квартиру Михалычу выделил завод, пусть и однокомнатную, но просторную, с двенадцатиметровой кухней. А на кой ляд им больше, двоим-то? Днем оба на работе, вечером за столом перед телевизором. В выходные Софья по хозяйству суетится, Михалыч усвистывает на рыбалку или по грибы, а то иногда и с мужиками во дворе пивком пузо прополаскивает.

Но в одночасье привычный мир, от которого с годами уже ничего не ждешь, рухнул. Случилась беда. Будь ты хоть трижды слесарем высшего разряда, а раз в год и сухая палка становится базукой, особенно если придешь на работу с похмелья. Не поладил Михалыч со своим родным станком, на котором в лучшие годы мог вслепую работать, лишился двух пальцев – среднего и безымянного. Много крови потерял, пока медиков ждали, орал, катался по полу, поминая чью-то мать. Но привели в чувство в итоге, объяснив, что он еще легко отделался, потому что могло и по локоть оттяпать.

О разряде можно было забыть – куда ему без двух пальцев-то! К тому же, нарушил технику безопасности, бестолочь, подставил руководство, так что получай, брат, должность разнорабочего, а не нравится – проваливай.

Запил пуше прежнего Михалыч, на работе балду гонял, в домино резался. Скандалы в доме участились, Софья часто являлась на свою фабрику в слезах и побитая. Само собой, пошли месткомы, парткомы, из рук все валится. Лишилась она вскоре должности мастера, а вместе с ней и значительной части зарплаты. Михалыч же, в конце концов, вообще был уволен с волчьим билетом.

Думаете, за ум взялся? Ага! Врагу не сдается наш гордый «Варяг»! С чистой совестью завалился на диван, обижаясь на несовершенство мира.

Одной Софье тянуть жилы стало нелегко. Долго терпела она и побои, и унижения, и черную неблагодарность, пока однажды, поймав еще трезвого мужа, не предложила два варианта.

Первый – развестись. Второй – уехать в деревню к ее матери. Там большой дом, хозяйство, живность всяческая, воздух свежий, всегда можно работу найти...

Закончить она не успела. Михалыч «расчувствовался». Предложи ему Софья третий вариант, к фингалам в тот вечер прибавился бы перелом.

Когда это было? Десять лет назад? Двадцать? Бог его знает. Сидел теперь Михалыч каждый теплый день на крыльце своего дома в этом чертовом городке, где все устроено так, чтобы он повесился от тоски и горечи за бесцельно прожитую жизнь, покуривал сигарету за сигаретой, ворчал на свою «выдру», завидовал тем, у кого все складывалось прекрасно (а таковых в Крае было большинство), пока все не изменилось...

Однажды в давно пустующем соседнем доме появился постоялец – крепкий, поджарый, седовласый мужчина. Приехал с одной сумкой, жил практически отшельником-затворником. За активными занятиями замечен не был. Иногда уходил утром, где-то пропадал, но большую часть дня все же проводил у себя на заднем дворе, попивая пиво или чай, читал местные газеты и книги. Иногда жарил мясо, и запахи от его мангала сводили с ума. И ведь ни разу не пригласил по-соседски, сволочь!

А вскоре к самому Михалычу пришел странный человек в дорогом костюме и с кожаным кейсом. Поставил на стол бутылку – и не бормотуху какую, а коллекционный коньяк! – и сказал, что отныне все будет очень здорово.

Иначе в этом городе и быть не может.

Часть первая. ЭДЕМ

1. Поезд ушел

Последние сцены решили снимать в маленьком городке, название которого ничего не говорило ни моему уху, ни уху простого телезрителя. У нас таких названий тысячи, и далеко не всегда их удобно произносить в приличном обществе. Едешь в скором поезде и едва успеваешь читать таблички на вокзалах и полустанках: Блянск, Суково, Херота, Жареный Бугор, Опухлики, Верхосуны...

Как можно жить в этой стране?

Эпизод с путешествием моего героя в поезде по российской глубинке оставили на сладкое. Группу измотал многомесячный съемочный марафон со взрывами автоцистерн, перестрелками из подствольных гранатометов и многотысячными костюмированными массовками. Душа просилась на простор, подальше от Москвы. Сценарий был переписан таким образом, чтобы майор уголовного розыска Глеб Косыгин, которого я играл на протяжении двух сезонов (долой роскошную шевелюру, даешь лысый череп и фиксы – никогда им этого не прощу, паразитам), отправился на Урал за внезапно обретенным сыном... Нет-нет, мне подобный финт не казался слишком сентиментальным и притянутым за уши. После тридцати девяти серий брутального месилова я готов был поверить в любую ересь – даже в то, что у Косыгина в глубинке осталась любимая девушка, скрывшая беременность и рождение отпрыска – лишь бы придать своему персонажу толику человечности.

«И никаких чартеров, – настоял я. – Только поезд, и чем хуже, тем лучше!».

Да, вы правильно поняли, я открывал двери в кабинеты сценаристов ногами. Ведь я же звезда, мое лицо на обложках таблоидов печатают крупным планом – так, что прыщи видно. Я могу влиять на повороты сюжета. Если мне не нравились слишком большая продолжительность драки и количество нанесенных моему персонажу увечий, я просил сбавить обороты. Если, напротив, Глеб Косыгин пускал слюни, мне приходилось настаивать на внесении дополнительных экшн-сцен, в которых он мог бы проявить свои лучшие мужские качества. Как следствие, к началу съемок второго сезона меня внесли в список исполнительных продюсеров сериала «Косой на стреме» с соответствующими полномочиями.

В общем, идея отправить парня в последнее лирическое путешествие поездом по России принадлежала именно мне. Я давно мечтал потрястись в обычном купе, поговорить за жизнь под стук колес и водочку с вареной картошечкой, поесть промасленных беляшей, приготовленных уроженками всех этих бесчисленных Блянсков, Сукот и Жареных Бугров. Мне всего этого *страстно хотелось*.

Увы, мой администратор Аллочка Сиротина, человек чрезвычайно пробивной силы, но начисто лишенный воображения и личной жизни, заподозрила неладное.

– Что потом? – спросила она, дымя сигаретой. Мы стояли в тамбуре, но курила только Алла. Я пытался завязать. Поезд только что оставил позади Самару и теперь неспешно катился вдоль одноименной реки.

– А потом, родная, я беру длительный отпуск и уезжаю в Рязанскую область удить рыбу.

– Насколько длительный?

– Полгода, год... как пойдет. Если заскучаю, вернусь, но гарантий нет.

– Ты поэтому не стал продлевать контракт на «Косого» и отказался еще от двух выгодных предложений?

– Выгодных? – переспросил я, глядя на бурлящие под мостом водные просторы. – Хочешь, чтобы я еще лет десять бегал, стрелял и дрался? Получил звание полковника госбезопасности и ловил космополитов до камней в почках? Мне сорок, отпусти погулять.

Она вздохнула, словно учитель перед непроходимым тупицей.

– Сережа, эти чертовы сериалы тебя кормят, причем неплохо. Вон, даже пузико отрастил. И еще... ты прости, дорогой, но вряд ли тебя в ближайшие годы позовет сниматься Ридли Скотт.

Она старалась смягчить интонацию, но мне все равно было обидно.

– Вот поэтому я и хочу просто порыбачить. Имею право.

Дым сигареты поднимался столбиком перед ее задумчивым лицом. Аллочка молчала до тех пор, пока пепел не дошел до фильтра.

– Продюсеры будут в восторге, – сказала она наконец, – но мне не впервой принимать стойку. Ты только совсем уж не пропадай.

Она погасила сигарету в пепельнице, приделанной к двери, но ушла не сразу, бросила напоследок:

– А сценарий последней серии хорош, мне понравился. Зубри текст, завтра утром снимаем сцены в вагоне.

Она коснулась пальцем моего носа и ушла. А я стоял и смотрел на голубую речную ленту.

Я и мой сериальный герой – не совсем «небо и земля», но у нас действительно мало общего. Майор Косыгин – стопроцентный альфа-самец, смурной, молчаливый и временами грубый. Даже слегка туповат. Я же предпочитаю более утонченные взаимоотношения с окружающим миром. Косой совершенно нелюбознателен, точнее, любознателен лишь в пределах своей ментовской компетенции, как Шерлок Холмс, изучавший химию в части ядов и взрывчатки, но пренебрегавший астрономией. Мне же интересна жизнь вокруг – вся, что есть. Не знаю, как мне удалось влезть в шкуру столь одиозного персонажа, но мы вполне ладили друг с другом на протяжении почти двух сезонов – ровно до того дня, когда я принял решение променять пистолет на простую поплавковую удочку...

В общем, отправился я в свое купе читать сценарий, благо соседями меня не обременили. Заботливая Аллочка выкупила все четыре места. Не исключено, что она рассчитывала занять одно из оставшихся трех, но я сделал вид, что намек не понял. Она девушка хорошая, веселая и аппетитная, но слишком дружеские отношения мешали мне придумать какое-то развитие.

Я завалился на нижнюю полку, вставил наушники, включил на плеере последний альбом «U2» и принялся читать сценарий...

... Через пятнадцать минут я отложил бумаги в сторону. Покачивание вагона и плач Боно меня усыпляли. Ничего удивительного, я вымотался как собака. Постреляйте с мое – не так ухайдакаетесь.

Лежал я, подложив под голову руку, и смотрел в окно, видя со своего места только тяжелое серое небо и пробегающие столбы с проводами. Вспомнилось почему-то, как я, пятнадцатилетний мальчишка в застиранных джинсах производства обычной советской швейной фабрики и дешевых тесных кроссовках, несусь по поросшему высокой травой пологому склону, раскинув руки. Это даже не бег, это взлет истребителя: кажется, вот сейчас чуть-чуть добавлю скорости, и меня поднимет восходящий поток воздуха... либо я споткнусь о какую-нибудь кочку и сделаю сальто, разбив голову. Куда же я тогда бежал? Точно не помню, но, кажется, мы с двоюродным братом приехали к его бабушке в деревню, чтобы походить по грибы. Аромат луговых цветов, стрекот кузнечиков, палящее солнце. Помню, что мы даже заблудились в лесу, брели не зная куда, вышли к железной дороге в нескольких километрах от деревни, уставшие, исцарапанные, в репейниках. От авантюрного предложения брата запрыгнуть на платформу проезжавшего с черепашьей скоростью товарного состава я отказался.

Благословенная вторая половина восьмидесятых...

Впрочем, какая разница, где это было? Я юн и свободен, полон надежд на перемены. Раскрыв рот, словно ребенок на передвижной ярмарке, взираю на стремительно меняющийся мир и думаю, что застал самое счастливое время. Чего только вокруг не творилось: и обалдевшая от собственной дерзости пресса, и неожиданные разговоры об истории и политике, и – главное! – выбравшийся из подвалов и тесных квартир советский рок-н-ролл! Борис Гребенщиков еще не был похож на Далай-ламу, свысока наблюдающего за миграцией муравьев, записывал первые пластинки на «Мелодии», играл в студенческих общежитиях, писал музыку для фильмов Соловьева. И еще его привлекал на собственной даче в Переделкино Андрей Вознесенский, назвавший своего гостя впоследствии «вольным стрелком русского рока», эдаким Робинсом Гудом магнитофонного пространства. Маститый дедушка-поэт считал своим долгом успокоить диковатую советскую общественность: не стоит бояться человека с гитарой – эти люди большие умницы и «идут от классики». Ну, согласитесь, разве ж это не прелесть:

*«...На нашем месте должна быть звезда.
Ты чувствуешь сквозняк оттого,
Что это место свободно»*

Ай да сукин сын!

Юрий Шевчук тоже шел от классики, но существующий строй низвергал так, словно хвосты собакам отрубал. Считал, что «Родину любить – не березку целовать». В те годы адепты русского рока еще свято верили, что оперативное вмешательство, полное очищение желудка и физические упражнения принесут Родине гораздо большую пользу, нежели слюнявые патристические засосы. Увы, одержимость свободой продержалась недолго: сорвавшийся с цепи пес при первых же трудностях на улице бросился обратно в будку, где его ожидала хозяйская похлебка, и русские березы задохнулись в объятиях. К чести Юрия Юлианыча, *его Родина* все та же. Правда, по радио ее не услышишь.

Но это было позже, а тогда, в конце восьмидесятых, в Союзе появились телепрограммы «Взгляд» и «До и после полуночи», и почти одновременно в гастрономах закончилась еда – почти вся, если не считать консервированной морской капусты и кислого яблочного сока в трехлитровых банках. Интересная взаимосвязь: когда спустя время еда вернулась во всем ее разнообразии, у людей исчезла потребность в подобных телепрограммах. Достаточно было утолить физический голод, приодеться, обзавестись толстыми бумажниками – и причины для рефлексий отошли на второй план. Ах, дедушка Вознесенский, знал бы ты, во что превратятся «вольные стрелки рок-н-ролла» через пятнадцать лет, когда в изобилии появятся антрекоты и дорогие автомобили!

Впрочем, нет... там были (и там остались) ироничный Майк Науменко и рвавший в кровь пальцы Саша Башлачев. В конце концов, был парень корейской наружности, чье начинавшее бронзоветь имя примирил с вечностью на прибалтийской междугородной трассе случайный «Икарус». Тот автобус, кстати, до сих пор многим не дает покоя. Как справедливо заметил однажды Миша Козырев, в этой стране нет ни одного человека в районе сорока, который не задавал себе вопрос: какие песни пел бы сейчас Виктор Цой?

Все теперь тлен. Почему не взмыл в воздух мальчишка в дешевых советских джинсах на пологом склоне? Что заставило сбавить скорость и перейти на размеренный шаг? И ведь не скажешь, что прожил половину жизни червем ничтожным. Некоторым сверстникам досталось от судьбы значительно сильнее, но... куда пропала свобода внутри? Дурацкие роли, компромиссы, малодушие и, как следствие, дутая популярность, сопоставимая с узнаваемостью лошадиной задницы, получившей ежедневный прайм-тайм.

Аллочка права, Ридли Скотт уже не позовет.

Да и Бекбамбетов тоже...

...Проснулся я от толчка. Поезд остановился, вздрогнув, будто сведенный судорогой. За окном еще не стемнело. Отогнув занавеску, я увидел край одноэтажного кирпичного здания. Куда-то мы приехали. Надо подышать свежим воздухом.

Я опустил ноги на пол, нащупал туфли, поднялся. Накинул куртку, во внутренний карман сунул сложенный вчетверо недочитанный сценарий, проверил документы и бумажник («звездные туры» майора Косыгина приучили к тому, что даже пятиминутная вылазка в народ может закончиться незапланированным банкетом в ресторане) и вышел в коридор. Никакого оживления, съемочная группа торчала в своих купе. Я зевнул, потянулся, прошагал в тамбур. Сразу почувствовал дуновение свежего воздуха и запах мазута.

– Сколько стоим?

Молоденькая проводница, дежурившая внизу на перроне, поежилась.

– Полчаса. Узловая.

Я спустился на платформу. Кажется, недавно прошел дождь. Одноэтажное здание вокзала, построенное, судя по всему, еще в позапрошлом веке, напоминало пряничный домик. От середины особняка в серое небо целился шпиль башни с большими часами. Название городка почему-то отсутствовало.

– Полчаса, говорите, – пробормотал я. – Замечательно.

Я постоял немного, оглядел немногочисленных курящих у вагонов пассажиров, борясь с соблазном последовать их примеру. Памятуя о том, что алкоголика в завязке отделяет от нового запоя лишь одна рюмка, а бросившему курить достаточно сделать только пару затяжек, чтобы вернуться к самоуничтожению, я оказался от этой мысли. Вместо этого решил прогуляться, благо время позволяло. Я, знаете ли, всегда любил знакомиться с привокзальными площадями. В аэропортах нет ничего романтического, они безлики и суматошны, хоть в Амстердаме, хоть в Домодедово, а вот вокзалы – совсем другое дело, особенно в маленьких городах.

Я прошагал к центральному входу. Меня удивило полное отсутствие людей, не принадлежащих моему поезду, даже неистребимых бабушек-аборигенок, что обычно торгуют домашней выпечкой и вяленой рыбой. Только у колонны, подпирающей козырек над крыльцом, стоял одинокий мужчина в плаще. Наверняка попытается стрелкнуть у меня сигаретку... Хотя нет, он уже дымил.

Я тронул ручку массивной двери.

– Не советую, – сказал человек. Я обернулся, внимательно оглядел его с головы до ног. Небритый, хмурый, лет сорока пяти. Из-под плаща виднелся серый костюм, который, возможно, когда-то выглядел очень дорого. Несвежая рубашка была расстегнута на две верхних пуговицы. Денек у мужика явно не задался.

– Не понял, – сказал я.

– Я говорю, внутрь лучше не входить. – Мужчина вынул изо рта сигарету, бросил ее под ноги и растер каблуком. – Это ни в коем случае не угроза.

Я смерил его пренебрежительным взглядом, потянул дверь на себя. В последний момент услышал:

– Тебе же хуже.

Здание я пересек по узкому центральному холлу, задержавшись лишь на несколько мгновений, оглядев два крыла помещения. Кассы, прилавки с периодикой и фаст-фудом, зал ожидания, обменный пункт, банкоматы. Все оформлено в стиле современных торговых центров, нашпиговано электроникой, блестит и сверкает. Это вам не автостанция в Шепетовке. Городок, похоже, неплохо живет.

Я устремился вперед, к выходу на привокзальную площадь, толкнул стеклянную дверь.

Первое, на что я обращал внимание на привокзальных площадях, это скульптурные композиции, которым надлежало встречать гостей. Во многих случаях это был банальный Ленин с кепкой или без, реже – фольклорные персонажи или стелы, но здесь в центре площади с круговым движением на высоком постаменте стоял, уткнув палец в щеку, кучерявый классик русской литературы. Пушкин смотрел на меня с прищуром, словно говоря: «Вздрогнем, дядя? Где твоя кружка?».

– Красавчик!

Боковым зрением я заметил подходящего справа человека.

– Чем могу помочь, сударь?

Человек в непонятной синей форме с погонами сержанта и в кепке с длинным козырьком смотрел на меня с учтивостью. Летчик? Таможенник? Молодой, спокойный, какой-то даже приторный. И еще это его дурацкое обращение «сударь»...

Не дождавшись ответа, он уточнил:

– Вы с поезда?

– Эээ... ну да...

Я не стал пояснять, что проездом.

– Что ж, добро пожаловать. Такси? Остановку общественного транспорта?

Манерами парень походил на белл-боя из фешенебельного отеля, а я почувствовал себя так, будто нахожусь на съемочной площадке, забыл текст и совершенно не врубаюсь, как себя дальше вести, вынуждая режиссера отдать команду «стоп».

Помощь пришла откуда не ждали.

– Сударь совсем нездешний, – услышал я за спиной знакомый голос. К нам спешил мужчина в сером плаще, которого я минуту назад оставил на перроне. – Спасибо, офицер, мы прогуляемся, а потом возьмем такси.

Не оставляя ни секунды на размышление, мужчина ухватил меня за локоть и повел прочь. Не могу сказать, что подобное обращение пришлось мне по вкусу, но в ту минуту я был слишком озадачен, чтобы сопротивляться.

– Он офицер чего?

– Полиции! Смотри под ноги, турист, и не тормози.

Я позволил отвести себя подальше от крыльца, продолжая крутить головой. Привокзальная площадь была хороша, слишком аккуратная и презентабельная для захолустного городишки, будто сошедшая с глянцевого открытки для туристов, путешествующих по Европе. Поразил ровный асфальт, точнее, не ровный – идеальный, без единой трещины. Аккуратные бордюры, обрамляющие проезжую часть, сверкающая белая разметка, решетки ливневой канализации – все это говорило об очень щепетильном отношении местных властей к одной из вечных российских бед.

– Да, дороги здесь просто сказка, – проследив за моим взглядом, сказал провожатый. – В Москве таких еще поискать.

– В Москве?

– Можно подумать, я не узнал Косого!

Он ухмыльнулся.

Площадь со всех сторон окружали густые деревья и одно- и двухэтажные здания. Я не увидел ни офисных центров с неоновой рекламой, ни супермаркетов. Здания относились, наверно, все к тому же девятнадцатому веку, как и вокзал, если я хоть что-то в этом понимаю, но наполнение их было вполне современным: кафе, юридическая фирма, агентство недвижимости, парикмахерская, какие-то мелкие лавки и конторы с не различимыми на таком расстоянии вывесками. На углу одного из домов, кажется, стоял букинист с книжными лотками.

– Круто же? – вновь усмехнулся мой провожатый.

Я кивнул.

– Ты не голоден?

Я со вздохом обернулся к зданию вокзала.

– Спасибо, что смотришь мой сериал, добрый абориген, но я проездом. Поезд ждать не будет.

– На этот счет не волнуйся.

Глаза его блестели азартом. Я был терпелив.

– Так, еще раз медленно: я дышу воздухом, пока поезд стоит. Сейчас куплю какой-нибудь журнал в киоске, сосиску в тесте и поеду дальше. У меня утром съемки. Дать тебе автограф?

На него мой монолог не произвел никакого впечатления. Даже наоборот, он стал улыбаться еще шире.

– Я предупреждал тебя, чтобы ты не входил. Теперь придется угостить меня чашкой кофе вон в том заведении, и, клянусь, ты не пожалеешь. Ну, не очкуй, майор!

Подобная фамильярность начинала меня раздражать, но я вынужден был закрыть на нее глаза. Первое, чему меня научила Аллочка Сиротина, когда мое лицо стало узнаваемым, это доброжелательности в общении с поклонниками, как бы назойливо они себя ни вели. «Сравни Питера Устинова и Филиппа Киркорова, раздающих автографы, и никогда не делай как второй».

Я посмотрел на часы. До отъезда оставалось двадцать пять минут. Кафе находилось в шаговой близости, на чашку уйдет минут пятнадцать. В принципе, допустимый расклад, можно даже устроить небольшую автограф-сессию для посетителей... если, конечно, мой полумный спутник в сером плаще не маньяк, а предложенное им кафе – не замаскированная живодерня из молодежного ужастика «Поворот не туда».

Я оглянулся на местного полицейского. Молодой парень в сине-желтой униформе стоял на прежнем месте, заложив руки за спину, и с любовью осматривал привокзальную площадь.

«Передвижная ярмарка, – подумал я. – Ждите клоунов».

– У меня пятнадцать минут!

– Этого хватит! – обрадовался мужчина. – И там очень вкусно готовят!

От дорожного кольца, в центре которого возвышался Пушкин, в разные стороны, словно отмеряя четверти на циферблате часов, расходились узкие улицы. Серый Плащ повел меня к той, что уходила влево. По дороге я увидел велосипедную стоянку. Четыре одинаковых и весьма дорогих велика стояли в ряд у стены булочной, словно лошади у ковбойского салуна. На моих глазах на точно таком же велосипеде к стоянке подкатила седовласая дама в элегантном светлом костюме. Ловко выпрыгнув из седла, она поставила железного коня рядом с другими и, поприветствовав кивком моего спутника, отправилась за хлебом.

– Свободный и бесплатный прокат, – удовлетворил мое немое любопытство проводник. – Берешь велосипед, доезжаешь куда нужно и оставляешь на другой парковке. Ни замков, ни цепей, только крепежные стойки, чтобы не падали... А это ты только что видел пенсионерку Елизавету Никитичну Хрунину. Милая женщина, мужа недавно схоронила. Ей в наследство осталась небольшая ферма на окраине – кролики, куры, овощи там, рожь, вот это всё. Будь побольше времени, я бы тебя с ней познакомил. Боевая тетка.

Я хотел сказать, что таких пенсионерок видел только у Мавзолея на Красной площади (они лопочут на иностранных языках и все время что-то фотографируют), но промолчал, потому что через несколько шагов увидел на торце одноэтажного кирпичного особняка большой рекламный баннер: «Голосуйте за Владимира Пахомова! Молодой, но опытный!». Герой агитки улыбался с плаката отбеленной челюстью.

– Кого тут выбирают?

– Всех. Уже через две недели. Но сначала мэра, а тот, в свою очередь, предлагает на голосование Городского Совета кандидатуру окружного судьи и начальника полиции, местного

шерифа, так сказать. Депутатов Совета тоже, кстати, выбирают всем миром, на собрании городской общины, когда три сотни самых буйных из разных районов регулярно собираются в местном дворце культуры «Импульс»... В общем, дурость несусветная, на мой вкус, но местным пассионариям нравится. Хлебом не корми – дай тут похозяйничать.

Я не смог удержаться от язвительного комментария.

– Ржу-не-могу, оазис народовластия в районном центре! Что хоть за город-то?

– Край, – молвил Серый Плащ, теперь уже без всякой улыбки. – Мы пришли. Семейное кафе «Пчела». Добро пожаловать, мусью!

Дверь, звякнув колокольчиком, пропустила нас в небольшое и уютное помещение, залитое теплым желтым светом. Пахло кофе и свежей выпечкой. Вдоль левой стены тянулась барная стойка, на другой стороне, возле окон, расположились несколько столиков с мягкими диванами. На дальней торцевой стене висел большой телевизор, показывавший альпийские пейзажи в высоком разрешении. Посетителей было немного: парочка молодых людей целовалась через стол, едва не сбивая бокалы с молочным коктейлем, две женщины рядом суетливо поглощали горячий ужин, в дальнем углу мужчина насупленный и грузный, похожий на дальнобойщика или слесаря, потягивал пиво из большой кружки.

Серый Плащ выбрал свободный столик в центре зала, плюхнулся на диван.

– Сейчас к нам подойдут. Сама дочка хозяина, девушка необычайных достоинств. Ты оценишь.

Он был прав, я оценил. Дочка хозяина подплыла к нам уже спустя полминуты, на ходу раскрывая блокнот. Она была одета в длинный красно-белый сарафан с рискованным декольте, а белоснежную шею украшала золотая цепочка с крестиком. Но более всего меня поразила роскошная толстая коса, свисавшая до попы.

Я обомлел, чего греха таить. Все мои актерские приемы, призванные скрывать истинные эмоции, куда-то подевались. Серый потешался надо мной.

– Здравствуй, Катенька! Вот познакомься, Сергей Круглов, турист.

– Здравствуйте. – Девушка, порозовев щеками, сдержанно кивнула в мою сторону. – Сегодня как обычно, Евгений Палыч?

– Да, любезная моя. Плюс блинчики со сметаной.

Она не стала записывать, обратилась ко мне:

– А вы что будете?

– Мне... чаю, пожалуйста... с лимоном.

– Все?

– Угу.

Катенька удалилась. Я не смог отказать себе в удовольствии оглядеть ее и со спины.

– Катерина не замужем, – пояснил Серый Плащ, он же Евгений Палыч. – Двадцать три года, вчерашняя студентка, закончила факультет то ли гостиничного бизнеса, то ли ресторанного дела в губернском госуниверситете. Родители, Пчелкины, держат это небольшое заведение, одно из самых популярных в центре, а Катюшка им помогает. Дела идут неплохо, никто не дергает – ни менты, ни пожарники, ни крысоловы. Налоги божеские... Да, кстати, не обольщайся, она тебя не узнала.

– Кто же не знает Косого, – хмыкнул я, стараясь скрыть огорчение.

– Здесь – никто. Видишь ли, в этом городке совсем другая информационная среда.

– Глушат федеральные каналы?

– Нет, федеральные каналы тут есть, но...

Какая-то яркая мысль озарила его лицо. Взглянув на часы, висевшие над стойкой, Евгений Палыч крикнул официантке:

– Катенька, нажми, пожалуйста, первую кнопку на пульте! И прибавь звук!

Белокурая красавица выполнила просьбу. Я уставился на экран...

Даже не знаю, как проще объяснить. Показывали какое-то политическое ток-шоу, каких на каждом канале по несколько штук. Но что-то в нем было не так. Ни криков, ни слюней в разные стороны, ни знакомых мне киллеров. И тема, тезисы, интонации... На четвертой минуте созерцания я понял, что главный герой программы – человек, клавший на власть с прибором. Он стоит в центре площадки под прицелом софитов, и его внимательно слушают. На первой кнопке и в прайм-тайм!

– Главный бузотер из интернета, – ухмыльнулся Евгений Палыч. – Костерит правительство и в хвост, и в гриву. У нас его закрыли бы в два счета, а тут он частый гость на федеральном телевидении. И не только он. Я многих тут вижу, когда захожу выпить кофе. И, знаешь, эта чертова страна... – он хлопнул ладонями по столу, – ...не провалилась в преисподнюю. Скорее, наоборот.

Он рассмеялся, но я услышал в смехе примесь горечи.

– Один вопрос, Евгений Палыч: где – *здесь*?

Он не успел ответить. Катенька принесла заказ: мне чашку чая (уже готового, свежезаваренного, а не кипяток с пакетиком и тающим в блюде куском сахара), моему собеседнику яичницу с беконом, тарелку блинчиков и кофе. Аромат невероятный!

– Ну-с, мусью, приступим к трапезе! – Евгений Палыч потер ладони.

– Ты не ответил на вопрос. И, кстати, забыл, что у меня поезд.

Он со вздохом отложил вилку. Вылез из-за стола, перегнулся через стойку, за которой Катенька натирала бокалы, обменялся с ней парой слов, затем вернулся обратно, держа в руках журнал.

– На, почитай, пока чай пьешь. А я поем с твоего позволения.

Я взглянул на обложку.

«ЖИЗНЬ». Так назывался журнал. Но рассказывал он не о том, о чем рассказывала известная мне газета под тем же названием. Он рассказывал... ну да, о жизни.

Главными героями публикаций были не звезды театра, кино и эстрады, многократно переспавшие друг с другом, и не политическая тусовка без галстуков. Здесь жила совсем другая публика: инженеры, конструкторы, какие-то странные ученые, похожие на Перельмана в период воздержания от премии в миллион долларов за доказательство теоремы Пуанкаре. Талантливые дети, не менее талантливые родители, изобретатель приспособления для трактора, позволявшего увеличить сбор урожая капусты в три раза, и необычайно ловкая женщина, сумевшая вытащить из ливневой канализации щенка далматинца. В середине журнала (не передовица!) – небольшая статья главы муниципалитета Константина Крутова, в которой он отчитывался о финансовых тратах в минувшем квартале. Материал украшала фотография автора – щекастого пухляка с приятной улыбкой. Тон статьи, скорее, извиняющийся: вот, мол, дорогие горожане, мы сумели газифицировать самые отдаленные районы, в нынешнем квартале будут выделены деньги на пристрой к школе номер три (детвора подрастает, мест уже через год будет не хватать), а также на завершение строительства нового хирургического блока городской клиники. Не скрывая искренней радости, местный глава делился успехами своего сынишки, который вместе со сверстниками из детского спортивного клуба «Вымпел» выиграл очередной матч губернского Кубка по футболу, забив решающий гол, который позволил команде пробиться в полуфинал. Сразу после статьи мэра, впрочем, шел разгромный ответ от оппозиционно настроенных авторов: фермерам нужны гарантии, что муниципальные налоговые ставки останутся неизменными, а жителям Южного района – внятная дорожная программа по реконструкции, и плевать им всем с высокой колокольни, сколько мячей забил в сезоне Крутов-младший.

Анекдоты, рецепты блюд, погода, гороскоп – все, как полагается, на последних страницах.

– Что за «Сельская новь»? – спросил я, отпив чая.

– Свободная пресса свободного города, – причмокивая от удовольствия, ответил Евгений Палыч.

– А где сиськи? Где пьяный Лепс? Руководящая роль партии? И где твои камеры?

– Чего?

– Скрытые камеры и девушка с букетом: «Ро-о-зыгрыш!». Где это все? Косыгина решили приколоть?

– Фу, какая пошлость. – Евгений Палыч, покончив с ужином, вытер губы салфеткой. – В двух словах не объяснишь, мусью.

– А ты попробуй. – Я посмотрел на часы. До отхода поезда оставалось мало времени. Если я отстану, катастрофы, конечно, не случится. Отзвонюсь Сиротиной, возьму такси и нагоню по трассе. Звезда я или тварь дрожащая? Тем более что так уже бывало. Проглотят еще одну дурость Косого, не подавятся.

Но стоит ли этот балаган таких сложностей?

– Тебе лучше увидеть все своими глазами, а не верить мне на слово. Предлагаю прокатиться. – Евгений Палыч вышел из-за стола.

– Ты спятил? Куда?

– На экскурсию.

Он направился к выходу. На полпути обернулся:

– Заплати за ужин. Надеюсь, деньги в поезде не оставил?

И он скрылся за дверью, звякнувшей колокольчиком. Чертов нахал! Может быть, Питер Устинов и отличался человеколюбием, но я бы таких поклонников...

К столику подошла улыбчивая Катя. Я со вздохом полез в бумажник.

– Сколько с нас?

– Четыре-пятьдесят.

– Четыре-пятьдесят чего? – не понял я. – Долларов?

Она рассмеялась, и смех у нее был под стать дверному колокольчику.

– Рублей, конечно, что вы!

Все еще пребывая в недоумении, я вынул из бумажника имевшиеся у меня купюры.

Это были российские рубли. Но я их не узнал.

Евгений Палыч встречал меня на тротуаре возле проезжей части с видом триумфатора. Взгляд его как бы говорил: «Ну что, Фома Неверующий, все еще сумлеваешься?».

Я не то чтобы «сумлевался» – я офонарел. После расчетов в кафе я все еще держал пачку наличности в руках. Выгреб все, что были в бумажнике, плюс сдачу от Кати, и продолжал их разглядывать.

– Ты мне напоминаешь Бориса Ельцина в продуктовом магазине, когда охрана подсунула ему деньги для покупок, – ухмыльнулся Евгений Палыч и глянул на пачку. – Ого! Да ты богатенький Буратино! Спрячь-ка обратно. Тысячные купюры советую не использовать, они тут для банковских расчетов. Пятисотки тоже сильно не разбрасывай, они для крупных покупок и сделок, а вот сотенные и меньше – в самый раз.

– Ты бы видел, как она сдавала сдачу с моей сотни.

– Видел не раз. – Он взял меня под локоть. – Поехали, все расскажу.

– Ты опять за свое! Поезд уже...

– Забудь о нем! – Кажется, он начал злиться. – Поехали!

Он подошел к краю тротуара, вскинул руку, свистнул. Через пару мгновений рядом с нами притормозил желтый «форд» с шашечками на крыше. Откуда взялась машина, я не заметил. Только что ее не было – и вот она, у бордюра. Евгений Палыч открыл заднюю дверцу.

– Залезай.

Я отрицательно покачал головой.

– Так, абориген, я тебя накормил, и на этом моя миссия закончена. Всех благ!

Я развернулся и направился к вокзалу. Я был уверен, что Евгений Палыч отстанет, поняв бесперспективность своих попыток похитить звезду экрана, но я ошибся. Он нагнал меня уже через несколько шагов.

– Провожу тебя, так и быть. Хочу снова увидеть это выражение лица...

Я не отреагировал. Подумал, что можно было бы и в морду ему дать, но впереди уже показался участливый полицейский. К чему мне лишние скандалы?

Я решительно дернул на себя дверь здания вокзала, прошагал по центральному холлу...

...хотя мог бы дальше и не ходить, потому что уже все понял.

Поезд ушел.

2. Посмотрите налево, посмотрите направо...

Мы стояли на опустевшем перроне. Евгений Палыч помалкивал, ждал вопросов. Минуту назад я пытался дозвониться до Аллочки, но ее телефон был недоступен.

– Столько времени еще оставалось! – сказал я, растерянно глядя на часы. – Куда он сдригнул? Какого черта ты ко мне полез?!

– Только не надо меня бить, – сказал Евгений, – я тут ни при чем. Он удрал бы от тебя в любом случае.

– Что за бред?! Полчаса стоянка!

– Угу. А ты видел название этой станции на схеме маршрута? Это табличка такая, висит возле купе проводников...

Он дал мне время беззвучно поматериться и еще раз позвонить администратору (безуспешно). Палыч был терпелив. Когда я начал суетливо оглядываться в поисках кого-нибудь из местного персонала, он подал голос:

– К людям приставать не советую, это чревато. Лучше сходим в кассовый зал.

– Пошли!

...Увы, электронное табло, висевшее у окошек касс, подтвердило его слова. Никакого указания на поезд, который привез меня сюда, я не нашел. Последний состав ушел сорок минут назад, следующий ожидался только через полтора часа.

– Я что, идиот?!

Люди из очередей к кассам стали оглядываться в нашу сторону.

– Потихе, – спокойно сказал Евгений. – Ты просто не веришь тому, что видишь. Я все расскажу и покажу. Если после моей экскурсии возникнет желание догнать поезд, я не буду тебе мешать. Но пока поехали, такси ждет.

Мне ничего не оставалось, как пойти за ним на площадь. Я не сопротивлялся, все перебирал в голове варианты дальнейших действий. Да, отставать от поездов мне приходилось, но никогда еще это досадное недоразумение не сопровождалось такими странностями.

Желтый «форд» дождался нас возле кафе. Я сел на заднее сиденье, Серый Плащ запрыгнул следом и захлопнул дверцу. Внутри салона я обнаружил стеклянную перегородку, отделявшую пассажирские места от водителя. Таксист, пожилой мужчина неславянской внешности, отодвинул половинку стекла, просунул в окошко лоснящееся лицо.

– Добрый вечер еще раз. Куда будем ехать?

Ни малейшего акцента.

– К Северным Воротам, – откликнулся Евгений Палыч. – Возможно, и обратно, если подождете.

– Как скажете. – Таксист закрыл окошко и повернул какую-то ручку на приборной доске. Загорелись зеленые цифры, счетчик начал отсчет. Я прислонился к перегородке. Рядом со счетчиком красовалась дощечка с фотографией нашего водителя и его краткими биографическими данными. Я фыркнул.

– Пятое авеню!

– Ты бывал в Нью-Йорке? – поинтересовался мой экскурсовод. Казалось, былая ирония вернулась к нему, но теперь в голосе слышалось напряжение. – Там весело. Я жил на Лексингтон пару месяцев.

Мы тронулись. Машина обогнула памятник Пушкину и помчалась по одной из улочек в город. Евгений Палыч позволил мне несколько минут исподлобья рассматривать пробегающий за окном пейзаж.

Это был малоэтажный город. По пути следования я не увидел ни одной современной высотки – они виднелись где-то вдалеке. Очень много зелени, скверы и парки, бережно сохра-

ненные старинные особняки, небольшие магазины, дворец культуры, похожий на уменьшенную копию оперного театра, библиотеки, школы, детские сады. Попался даже большой стадион с трибунами в пару десятков рядов.

– Здесь играет местная футбольная команда, – комментировал Евгений Палыч. – Больших успехов во втором дивизионе она не добилась, но у местных и так счастья полные штаны. Трибуны на играх заполнены под завязку. В остальное время здесь бесплатно тренируются легкоатлеты, гимнасты и мальчишки-футболисты. В клубе «Вымпел», кстати, занимается сынок мэра. На общих основаниях, заметь, и никаких ему поблажек.

Машин нам встречалось немного, чего не скажешь о велосипедах. Кажется, велосипедисты сновали всюду – на аллеях, специальных дорожках, просто на тротуарах. Педали крутили все кому не лень – дети, взрослые, молодые женщины, старики, выглядевшие в точности как вдова фермера Хрунина. Почти на каждый квартал приходилось по одной велосипедной парковке, какую я видел возле булочной на привокзальной площади.

– Социализм, – буркнул я тихо.

– Вроде того. Дальше еще интересней.

Мы миновали еще одну площадь, прилегающую к какому-то, очевидно, административному, трехэтажному зданию, увенчанному российским триколором.

– Мэрия, – сказал провожатый. – По выходным с утра тут духовой оркестр играет.

Свободное пространство перед зданием занимали компании праздных горожан. Люди сидели на зеленых газонах, выгуливали собак, молодежь каталась на роликах и скейтах. Никаких заборов и оград.

– А где Лукич? – спросил я.

– В этом городе нет ни одного Лукича. Зато полно храмов разных конфессий.

И точно, через квартал на одной стороне улицы я увидел православный храм, не очень большой, но красивый. Еще через квартал на другой стороне шпилем в небо целился католический костел. А еще через пару минут где-то вдали в просвете между домами мелькнула мечеть.

Глаза мои, очевидно, стали похожи на мячики для пинг-понга, и Евгений Палыч счел нужным пояснить:

– Буддисты и кришнаиты в этом городе представлены в пределах статистической погрешности, в противном случае, боюсь, и им позволили бы построить избушку.

– А синагога?

– На южной окраине. Местные иудеи любят тишину. – Он постучал в стекло. Водитель открыл окошко. – Сделайте крюк через Северный Квартал.

На перекрестке, регулируемом мигающим желтым, мы повернули налево, но сначала пропустили автобус – средней вместимости, совершенно не известной мне марки, новехонький, сверкающий, окрашенный в яркие летние цвета.

– Городской транспорт, – вставил Евгений. – Трамваев и троллейбусов тут нет, но вполне хватает этих красавцев.

Мы помчались по следующей узкой улице, обрамленной пышными деревьями, за которыми раскинулись целые кварталы одноэтажных домов. Их отделяли друг от друга двухполосные асфальтированные дороги.

– Один из спальных районов, – рассказывал мой экскурсовод, равнодушно глядя в окно. – Сотни частных домов, отстроенных тремя строительными компаниями. Высокая конкуренция застройщиков, регуляторы не свирепствуют, поэтому дома хоть и недорогие, но прочные. Средняя цена за дом – около десяти тысяч рублей, ипотечные кредиты до пяти процентов годовых. Это жилье может позволить себе любая семья бюджетников, у которых, кстати, средняя зарплата от тысячи двухсот в месяц.

– Ага, а пенсии им Сорос платит. – Я все еще дулся.

– Нет, родное государство. И оно не жадничает – восемьсот-девятьсот минимум.

Я смотрел на проплывающие мимо дома. Все они были вроде бы похожи друг на друга, но лишь на первый взгляд. Многие хозяева пристраивали второй этаж, оформляли фасад на свой вкус. И в каждом доме дышала своя жизнь. Вон сушится белье на лужайке перед крыльцом, а вот небольшой самодельный аквапарк. У одного из домов шумная компания приступала к вечеринке с шашлыками и пивом.

– Помесь Маусвилля и Кобылино, – снова фыркнул я.

– Да хватит тебе ворчать! Ты в России! И здесь в глубинке нет никакой депрессии!

Северными Воротами назывался выезд из заселенной части города. Никаких ворот на самом деле не было, машина остановилась на большой асфальтированной площадке перед мостом, перекинутым через узкую речушку под названием Зюзелга, похожей, скорее, на глубокий ручей. На углу высилась металлическая стела с названием города.

Мы присели на бетонный парапет, Евгений Палыч закурил. Вода шелестела у нас под ногами. Всюду, куда хватало глаз, раскинулись зеленые поля, за которыми виднелись длинные одноэтажные здания с треугольными крышами.

– Там фермы, – пояснил Серый Плащ. – Люди трудятся день и ночь, выращивают овощи, скот, птицу. Продукцию сбывают как здесь, так и в соседних регионах. Правда, Крутов периодически поднимает вопрос об ограничении экспорта и повышении налоговых ставок, но для фермеров это неприемлемо.

– Как они договариваются?

– Через своих лоббистов в Городском Совете. Проводят нужное им решение, мэр подчиняется. Для чего ж они этих дармоедов-депутатов выбирали!

Где-то далеко из-за кромки небольшого леса торчало несколько труб. Проследив за моим взглядом, Евгений Палыч произнес:

– Крупные предприятия в обязательном порядке за чертой города. Точнее, они там изначально были построены. Тут никому в голову не приходит возводить города вокруг вонючих заводов. Мухи отдельно, котлеты отдельно, как говорил один наш общий знакомый. Не могу сказать, насколько счастливы тамошние флора и фауна, но жители Края не чувствуют, что у них под боком химическое производство федерального масштаба. С очистными сооружениями полный порядок, иначе местные депутаты сняли бы с промышленников три шкуры.

Я шумно выдохнул, почесал затылок. Захотелось курить. Аллочка Сиротина, контролировавшая мою боевую форму, не знала, что при себе у меня всегда имелась запечатанная пачка сигарет. Если сейчас дернуть одну штучку, она ничего не узнает.

Нет, пока не стоит.

– Ладно, убедил, все красиво. Но все-таки, во сколько тебе обошелся этот аттракцион?

Евгений Палыч посмотрел мне прямо в глаза, едва ли не впервые за недолгое время нашего знакомства. И я увидел в них...

...усталость и отчаяние. И морщин на лице значительно прибавилось. Чуть раньше мне казалось, что он моложе.

– Еще раз для особо одаренных: это не аттракцион. Я сам не знаю, что это. Могу только догадываться. Параллельная реальность, мать ее!

– Ой, я умоляю!

– Если у тебя есть объяснение получше, я весь внимание.

Я не нашелся с ответом.

– Однажды я все-таки прокатился до соседнего населенного пункта, чтобы удостовериться, что это не «Шоу Трумэна». Тут в сорока километрах есть город Крылов, он покрупнее, там тысяч восемьдесят проживает – в Крае только под сорок. Купил билет на междугородный автобус, прокатился, погулял там несколько часов...

– И?

– Такая же фигня, только круче. Больше высоток, мощнее инфраструктура, сервис. Но погружаться глубже я не стал, сел в обратный автобус и вернулся сюда. Тут как-то теплее...

Я посмотрел вниз, на речку. На моих глазах из воды вынырнула крупная рыба, похожая на осетра. Хватанула ртом воздух и плюхнулась обратно.

– Это какая-то другая Россия, не при Лимонове будь сказано, – усмехнулся Палыч. – Живая, не лубочная. Матрешки, балалайки, кокошники, медведи, водка – ничего подобного, хотя свои алкаши и маргиналы, конечно, есть. Понятия не имею, как это вышло. Наверно, в какой-то момент эта Россия соскользнула с колеи, по которой тряслась, и пошла своей дорогой. Может, Ивана Грозного в младенчестве уронили. Может, Николай Второй не так сильно тупил. Может, Учредительное собрание задавило большевиков... Но уж точно здешние аборигены не знали ни Горбачева, ни Ельцина – за пятнадцать лет английский газон не вырастишь. В общем, я без понятия, что и когда произошло. Но эта страна дышит полной грудью – вот здесь, в таких городках. Деньги больше не крутятся только в мегаполисах. Я тут почитал прессу на досуге... тебе это еще предстоит, у тебя много времени впереди... и узнал, что тут нет никакой большой политики в том виде, в каком мы ее знаем, никакого гребаного мессианства и галлюцинаций о Третьем Риме. Тут парламентская республика, и я все никак не могу запомнить фамилию их президента, прикинь! Филиппчук, Пилиппчук, Хреночук!.. Это какой-то ночной кошмар. Вон, глянь.

Он указал рукой мне за спину. Я обернулся. Недалеко от дороги стояло что-то вроде деревянной тумбочки, а на ней – большая кастрюля и миска.

– Фермерская клубника размером с картофель, никакой химии. Кладешь деньги, набираешь ягод и едешь себе дальше. Полная миска рублевых купюр стоит нетронутая... Черт, да они тут даже двери не запирают, на машинах нет сигнализации. Можно в любой дом войти и попроситься в туалет. Еще и пирожков в дорогу дадут. А бизнес!.. Тут бизнес свой открыть – как нам с тобой пиццу по телефону заказать! Заплатил за лицензию, открыл счет – и работай, налоги можно только через полгода начать платить, да и то по интернету. И попробуй кто пасть разинуть! Менты, прокуратура, суды – все работает! Да они просто оборзели!

Он бросил недокуренную сигарету в траву, нервно растер ее каблуком. Мне его настроение показалось странным. В голове родился один-единственный, но зато самый правильный, вопрос:

– Ты сам-то кто и откуда?

Он посмотрел на меня исподлобья. Выражение отчаяния несколько смягчилось. Появилась даже робкая улыбка.

– Отстал от поезда, как и ты. Месяц назад остановился здесь, выскочил на станцию за сигаретами, прошел на привокзальную площадь поглазеть... и застрял.

– Тебя тоже задержал какой-нибудь абориген?

– Нет. Просто я любопытный. – Он приосанился, поправил плащ, пригладил волосы. – Евгений Петровский, политтехнолог и консультант, работал со всеми партиями, какие у нас есть. «Мы за русских, мы за бедных», «Россия будет великой» и так далее... Ну, неужели не узнал?

Я всмотрелся в его морщинистое лицо.

– Ну, Серега, мы ж с тобой пили на банкете после вручения госпремий! Правда, я надрался в хлам, да и ты был хорош.

– Черт... точно. – Узнавание немного приподняло мне настроение. – Жень, прости, но для политтехнолога ты... как бы сказать...

– Поиздержался?

– Ага.

Он вздохнул.

– Для меня тут нет работы, они сами отлично справляются. А ничего другого я не умею.

– Чего ж не уехал обратным поездом?

Он снова внимательно посмотрел на меня. От этого взгляда внутри все похолодело.

– Ты так и не понял, Фома. Ладно, поехали, осталась последняя часть Мерлезонского балета.

Он махнул рукой таксисту. Добродушный таджик (или кто он там по национальности) прыгнул в машину и завел двигатель.

Вскоре мы вновь стояли на перроне вокзала. Смотрели на пустые железнодорожные пути. Накрапывал мелкий дождь, становилось зябко. Евгений кутался в плащ. Ворот отогнул, и я увидел на лацкане пиджака значок с триколором.

– Ты был депутатом?

– Нет, это я у Вольфыча дернул. Ты давай звони, если так хочется.

Я снова набрал номер телефона Аллочки Сиротиной. Ожидая соединения, представлял, как она мечется сейчас в поисках пропавшей примадонны.

Увы, мне ответила все та же механическая тетка: «Телефон абонента находится вне зоны обслуживания сети».

– Обратного хода нет, – пояснил Женя. – Во всяком случае, я его пока не нашел. Пересекаешь порог вокзала – застревашь тут. Любой следующий поезд увезет тебя в другой город *этой реальности*.

– Но... мой-то поезд ты встретил. А я ехал из нашей с тобой Москвы. Вместо того, чтобы меня окучивать, сел бы и уехал.

Он улыбнулся печально. В этой улыбке отражалось все, что ему довелось пережить за минувший месяц.

– Старик, я еще не разобрался, как это работает. Я не ожидал поезда, был совершенно не готов. Без билета не пустят, знаешь ли, да и денег у меня нет. Просто шлялся по вокзалу, увидел поезд, узнал тебя и окликнул. Сегодня, наверно, какой-то аномальный день, потому что ты мой первый земляк здесь. Наверно, в этом можно откопать какое-то решение проблемы. Надо подумать. У тебя есть семья?

– Родители и брат.

– Они будут тебя оплакивать. А у меня там жена. Но я не скучаю. Сучка наверняка уже проматывает мои денежки.

Я промолчал. Разные мысли роились в моей голове, но ни одна из них не приближала к пониманию того, что делать дальше. Думаю, нам действительно будет о чем поговорить вечерами в каком-нибудь местном кабаке. Будем пить, пока не закончатся деньги...

Или, может, все-таки найти машину? Попытка – не пытка.

Я нерешительно направился к крыльцу здания.

– Ты куда, майор?

– Узнать номера такси.

Он не увязался вслед за мной, но крикнул в спину:

– Я обещал тебя не отговаривать, так что езжай! Когда вдоволь накатаешься, возвращайся сюда. Без меня ты в этой стране пропадешь.

Я остановился у двери. Что-то в его голосе мне не понравилось. Он действительно не пытался меня удержать, но это было... знаете, как будто направивший на тебя пистолет человек хладнокровно предлагает на выбор отстрелить руку или ногу.

– Твою мать...

– Согласен, – сказал Евгений.

Я вернулся к краю перрона, посмотрел на белеющие в вечернем сумраке рельсы.

– И что теперь делать-то?

– Для начала напьемся и посмотрим порнушку, а там война план покажет. – Он хлопнул меня по плечу. – Давай, заканчивай свои слёзки.

Я вздохнул, сунул руку во внутренний карман куртки, вытащил сложенные вчетверо листы бумаги – мой «хороший сценарий». С минуту держал его в руках, рассеянно блуждая глазами по тексту, а потом начал медленно рвать на кусочки и бросать вниз.

Майор Глеб Косыгин получил пулю в лоб и будет похоронен с почестями. Жаль, не увидит внебрачного сына.

3. Удар ослиного копыта

И стали жить они вдвоем...

Так я мог бы написать, будь я каким-нибудь акыном, но, во-первых, талантом складывать стихотворные вирши обделил меня Создатель, а во-вторых, меня могли бы неправильно понять. Так что забудьте.

В тот вечер мы с бывшим политехнологом Евгением Палычем Петровским знатно набрались. Первым делом я оценил свои финансовые возможности с помощью вокзального банкомата. С наличкой в бумажнике я уже разобрался в кафе «Пчела», теперь следовало проверить баланс карт. Сомнений относительно возможности обналичить средства у меня уже не было – при пересечении порога вокзала мои деньги конвертировались в соотношении один к одному. Как выяснилось, «мастер-кард» и «виза» в этом параллельном мире также отлично сработали.

«Глобалисты, что с них взять», – пожав плечами, сказал Женя.

На одной из двух карт остались какие-то копейки – на пару сотен обедов в семейном кафе «Пчела» или среднюю пенсию по городу – а на вторую буквально за сутки до моего приключения упал гонорар за работу над последними эпизодами сериала. Я затылком почувствовал, как замер Петровский, увидевший на мониторе банкомата семизначную сумму.

– Белой горячкой не ограничимся, – прокомментировал он, – тут совсем другая ипостась намечается.

– Не облизывайся, – сказал я. – Неизвестно, сколько мне придется тут торчать и чем заниматься. Каждый рублик на счету. Я ведь тоже, как и ты, никогда не столярничал и не клал кирпичи.

– То есть ничем особенным, кроме системы Станиславского, не владеешь?

Я развел руками.

– Мельчают экранные супермены, – вздохнул Женя.

Получив на руки запрошенную сумму наличности, я еще раз с интересом изучил новые для меня купюры. Они отличались от наших цветовой гаммой, цвета были более теплые, какие-то воздушные, и вместо памятников архитектуры разных городов бумажки украшали профили выдающихся людей страны. Кое-кого я даже узнал, того же Пушкина, например, и еще Ломоносова. Кстати, и номиналы были непривычные – двадцать рублей, десять, пятерки и даже просто рубли.

– Разумный запрос, – сказал Петровский. – Чем больше мелочи, тем лучше. Как ты заметил, тут очень смешной курс. В нашей Москве ты на тысячу пообедаеть в «Макдональдсе», а здесь можешь неделю жрать с большой компанией в самом дорогом ресторане. По здешним меркам ты просто Ротшильд.

– Обалдеть, – сказал я. – Ну, стало быть, народ к разврату готов.

– Я ж говорю – ипостась!

Мое желание напиться преследовало две вполне прагматичные цели. Прежде всего, я хотел за рюмкой получить больше информации от своего нового друга об этом странном месте, в котором мне предстояло провести какое-то время (мысль, что придется торчать здесь остаток жизни, мою голову в тот день старательно избегала). А еще мне хотелось отодвинуть подальше перспективу принятия решения. «Живи одним днем», – говорила моя последняя возлюбленная, отказавшаяся выйти за меня замуж.

Так и живу, дорогая, твоими молитвами.

Петровский самостоятельно поймал такси там же, на привокзальной площади, любезно отказавшись от услуг местного полицейского. Он отвез меня в отель «Каскад» на живопис-

ной окраине. Это был трехэтажный особняк, весьма умело подделанный под старину. На мое замечание, что аборигены категорически отказываются подниматься над землей выше третьего этажа, Женя равнодушно отмахнулся. Очевидно, меня ожидало впереди еще много открытий.

Мы заказали роскошный номер с двумя спальнями, одной большущей гостиной, выполненной в каком-то викторианском стиле, и ванной комнатой, пригодной для проведения чемпионатов по водному поло. Вид из гигантского панорамного окна открывался пасторальный: большой цветущий луг, заканчивающийся березовой рощей, где-то вдали, за частоколом деревьев, виднелась узкая лента реки.

– Фигасе! – сказал я. – Сколько, говоришь, тут жителей?

– Почти сорок.

– Зачем им такой дорогой отель?

– А что, в бараках гостей принимать, как в наших районных центрах? Они живут в другой стране, нам не понять. Это лучший отель в городе, а у нас с тобой люксовый номер. Через стену такой же, в нем останавливаются важные шишки, которые приезжают к местным властям на переговоры. Тишина и покой. Утром после завтрака выходишь на свежий воздух и гуляешь... просто рай. Я пожил тут немного, пока не кончились бабки. Рад сюда вернуться.

На самом деле мне тоже понравилось.

– Закажем жрачку в номер? – предложил напарник по разврату. – Цены, конечно, не пчелкинские, но ты можешь себе позволить.

«Могу», – подумал я, когда увидел в гостиничном меню ошеломительные цены, обозначенные всего двузначными числами. Я заказал все самое вкусное.

Через двадцать минут к нам в номер из ресторана привезли на тележке плотный ужин – семгу в соусе бешамель, телятину по-бургундски, жареный картофель, куриные окорочка, салаты из свежих овощей. В баре возле холодильника мы обнаружили две бутылки коньяка. Евгений Палыч с плотоядным вздохом опустился на диван.

– Давно я так не харчевал.

– Надо было озаботиться получением человеческой профессии.

– Поговорим об этом через месяц.

Едва официант удалился, мы опрокинули по первой. Потом налили по второй и немедленно выпили. Палыч полез в холодильник за льдом, бормоча на ходу что-то об утраченных иллюзиях и забытых привычках столичной аристократии. Я немного размяк. Будущее уже не виделось таким туманным и пугающим, как полчаса назад. В конце концов, из всех вариантов параллельных миров, в которые я теоретически мог угодить, ступив на полустанок, этот был далеко не самый худший.

После третьего бокала мы уделили время закуске, потом вышли курить на балкон. Я тоже сунул в зубы сигарету, потому что уже плевать хотел с высокой колокольни на предостережения Аллочки Сиротиной. Право слово, что мне Сиротина, которая сейчас черт знает где?

Сделав несколько затяжек, я, впрочем, почувствовал легкий укол совести. Ведь они меня там потеряли, я для них пропал без вести. Мало того, что у них полетел финал сериала, так ведь и мое исчезновение станет достаточным стрессом.

Словно услышав мои мысли, Женя глубокомысленно изрек:

– Я полагаю, на твоём бегстве ребята сделают дополнительные рейтинги.

– Не исключено.

– Я даже представляю заголовки: «Странное исчезновение Косого!». «Кто стоит за убийством Сергея Круглова?». Целую программу у Малахова тебе посвятят.

– Кошмар, – выдохнул я.

Он распахнул стеклянные створки балкона. Я услышал стрекот кузнечиков, пахло вечерней свежестью и травой. Это было роскошно, без преувеличения. Закат окрасил березовую рощу в кислотные цвета. Неведомый мне мир засыпал.

– Брось, не бери в голову! – Женя хлопнул меня по плечу. – Вот где жизнь! Вот где любовь! Вот где счастье!

Он бросил недокуренную сигарету вниз. Она описала дугу и рассыпалась искрами на тротуаре.

– Мир новый, а привычки старые, – буркнул я.

Впрочем, к черту сантименты. Мы загудели. Представляя себе возможный финал, я предусмотрительно спрятал все ценное содержимое бумажника, включая банковские карты и часть наличных денег, в сейф, который нашел в небольшом шкафу в прихожей. Сработала старая установка: если пьешь в незнакомом месте и с чужими людьми – оставь в кармане только необходимый лимит. Выручало не раз.

Первая бутылка ушла за милую душу вместе с семгой и телятиной, причем большую часть деликатесов сожрал Петровский. Буквально – сожрал, налетев на блюда с энтузиазмом бедняги Оливера Твиста. В какой-то момент мне показалось, что он сейчас протянет пустую тарелку и жалобно проскулит: «Можно мне еще добавки, сэр?». Я сделал еще один заказ, нам принесли четыре порции свиного шашлыка. Я и сам проголодался, вспомнив, что последний раз обедал в вагоне-ресторане еще на подходе к Самаре.

Пошел «разговор за жизнь».

– Ты почему не женишься, подлец? – глядя на меня ословевшими глазами, спрашивал Палыч. – Почему семью не завел до сих пор?

– Не знаю, папочка. Как-то не до того.

– Сорок лет почти, а не до того? Дети, домашнее хозяйство, борщ по вечерам – вот это всё... Оно тебе не надо?

– А тебе?

Женя встряхнул головой.

– Я, Серега, человек, которому противопоказана семейная жизнь. Я ею потрепан, измотан. Я всего себя отдавал России, а жена моя отдавала себя не туда... Я ведь и в поезд-то агитационный прыгнул, когда понял, что если задержусь в Москве еще хотя бы на пару дней, я ее, суку, пришибу и окончательно испорчу себе некролог.

– А мне, значит, предлагаешь жениться? Как у вас, политехнологов, все запутано.

– На том стояли и стоять будем! – Он залпом выпил, закусил мясом и похлопал меня ладонью по щеке. – А ты, брат, совсем другой. Ты добрый, у тебя глаза спаниеля. Ты когда в первом сезоне главара наркомафии брал, текст будто силой из глотки вытаскивал. Так и слышалось между строк: «Соблаговолите, господин Горбатый, сложить руки за спиной и проследовать за мной в автозак?». Тьфу! Здесь тебе самое место, интеллигент.

Я не обижался на его слова – я их почти игнорировал, понимая, что, во-первых, собутельник мой балансировал на грани отбытия в астрал, а во-вторых, я и сам разомлел. Брюхо набито, но спать еще не хочется. Еще немного, и меня потянет на приключения. Пусть я добрый и глаза у меня песьи, но пьяный мужик – всегда мужик.

Петровский громко икнул, поднялся с дивана и направился в ванную комнату, опрокинув по дороге пухлик. В дверях остановился.

– Девочку хочешь?

Я кивнул.

– Размотал член до Канзаса...

Портье за стойкой в холле наградил нас недоуменным взглядом, когда мы в обнимку, как два дембеля, проследовали к выходу. В дверях я, кажется, послал ему воздушный поцелуй, но, боюсь, вышло у меня не ахти. Во всяком случае, портье – высокий и сухопарый мужчина

с зализанными волосами – сразу после нашего выхода схватился за телефонную трубку и принялся что-то в нее говорить.

– Не надо раздражать местную службу, – посоветовал Петровский. – Ей, конечно, далеко до нашей, сермяжной, но в рамках тутюшних законов может сильно осложнить досуг.

– Поздно пить боржоми.

Мы миновали парковку с дорогими автомобилями (Петровский обошел один из них – кажется, «Мерседес» – и сосредоточенно помочился на колеса, вызвав у меня приступ истеричного смеха). Потом двинулись по аллее к дороге, где собирались поймать такси. Та часть города, в которой находился наш отель, уже погрузилась в сон, но вдалеке, где-то в центре, жизнь продолжалась. Я видел цветные огни и столбы яркого желтого света, бьющие в небо.

– Тут есть ночные клубы?

– Есть, – икнул Женя.

– Значит, и девочки там есть?

– А то!

– Ну, хоть что-то по-нашему.

Мы перешли на другую сторону улицы. Такси ждали долго. Казалось, что машин на дороге с каждой минутой становилось все меньше. Мы стояли на обочине под фонарным столбом. У нас за спиной дремал гигантский жилой квартал, состоящий из тех самых дешевых сборных домиков («ипотека – пять процентов годовых»). Людей не было, но после нескольких минут нашего тщетного голосования я заметил на тротуаре одинокий светлый силуэт и услышал стук каблучков.

Вскоре под свет фонаря вышла девушка. Невысокая, элегантная, в светлом плаще до колен и с сумочкой на согнутой руке.

Одинокая девушка на окраине – в первом часу ночи?!

Я хотел удивиться вслух, но не успел.

– Буууаааээээ!!!! – сказал Петровский. Точнее, зрелищно блеванул под столбом, заливая асфальт ошметками съеденного ужина. *Роскошного и дорогого ужина!*

– Да твою же мать!!! – возмутился я. – Жрал бы «Доширак»!

Он не ответил – ожидал повторного фонтана, застыв в позе роденовского мыслителя. Но, кажется, пронесло. Он еще немного покашлял и пошмыгал носом, затем повернул ко мне свое бледное лицо.

– Помилосердствуйте, барин... наелся от пуза.

Стук каблучков затих. Девушка в светлом плаще остановилась в нескольких шагах от нас.

– Вам плохо? – прожурчал ее милый голосок. В нем было столько искреннего участия, что я опешил. Женя, впрочем, отреагировал привычным для себя способом. Немудрено – ведь он уже успел близко познакомиться с нравами местного населения.

– Душа болит и сердце плачет, – нараспев прогундосил политтехнолог, вытирая лицо.

– Что, простите?

– Не страшно вам, говорю, ходить в такой поздний час по пустынной улице?

Она улыбнулась. Я растаял. В этом странном и чуждом городе улыбка незнакомой девушки невероятно согревала. Кажется, я даже почувствовал дуновение теплого ветерка... и одновременно стало вдруг горько и одиноко. Циничный Петровский был прав: жениться на хорошей женщине – это не только большой плюс, но и просто физическая необходимость.

– Что вы! – удивилась девушка. – Здесь спокойно! Вы же сами знаете... или не знаете?

Женя покачал головой.

– Мы не местные.

– Вы с Луны? – рассмеялась прекрасная незнакомка.

– С Юпитера. У нас хорошеньких девочек едят на ужин. Без кетчупа. Мы так привыкли.

Увидев на лице девушки недоумение, я поспешил вмешаться, пока этот обалдуй не наговорил на пятнадцать суток (или на сколько тут сажают в обезьянник? и есть ли он тут, кстати?).

– Мой товарищ отравился грибами, не обращайтесь внимания. – Я приблизился к ней на пару шагов. Девушка, вопреки ожиданиям, не отстранилась. – Может, вас сопроводить до дома?

– Да нет же, не стоит! – Она усмехнулась. – Странные вы, ребята, честное слово.

– Кто бы говорил, – хрюкнул из-под столба Петровский.

– Меня зовут Сергей, – сказал я.

– Аня.

– Очень приятно. И спасибо за беспокойство. Скажите, Аня, здесь реально сейчас поймать такси?

– А зачем вам его ловить? Вы позвоните, они быстро приедут.

Она полезла в сумочку, суетливо рылась в ней с минуту, не меньше. Все это время Женя уныло глядел на пустынную дорогу, ожидая приближения огней следующей машины.

– Где-то тут у меня была их визитка, – буркнула Аня, – но не могу ее найти.

Я поспешно сунул руку во внутренний карман куртки, вынул бумажник. Где-то в одном из отделений моего опустевшего лопатника оставалось несколько визитных карточек. Перебирая бумажки, я вспомнил ироничный вопрос своего директора Аллочки Сиротиной: «На кой черт тебе сдались эти картонки с золотыми вензелями? Твое лицо любой бомж на Казанском вокзале знает!». Аллочка и не предполагала, что есть еще на планете медвежьи углы, где не смотрят сериал «Косой на стреме».

– Не утруждайте себя, Анята. – Я протянул девушке свою визитную карточку. – Напишите мне здесь телефон.

– Это не обязательно, я его, кажется, помню. Двести восемнадцать...

– Вы не поняли, – прервал я, стараясь улыбаться как можно более дружелюбно и без этих своих суперменских ухмылок. – Я хотел бы получить ваш телефончик.

Анята наклонила голову в бок. Ни тени возмущения или испуга. Гвозди бы делать из местных барышень.

– А зачем? – кокетливо поинтересовалась она.

– Чтобы сеновал, как стемнеет... – пробубнил Петровский, не поворачиваясь в нашу сторону.

На ожидание ее реакции ушло не более пяти секунд. Она вновь опустила руку в сумочку, достала какой-то обгрызенный карандаш и быстро набросала несколько цифр на обратной стороне моей визитной карточки. Сердце мое застучало в ритме вальса.

– Доброй вам ночи, Сергей, – сказала Аня. Обернувшись к моему напарнику, бросила чуть менее любезно: – И вам... Вот и ваше такси, кстати, не упустите.

И точно, на горизонте появилась машина с желтым опознавательным маячком на крыше. Петровский призывно вытянул руку.

– Спасибо огромное, Анята. Я польщен и очень вам благодарен за помощь. Мы действительно не местные и никого знакомых в городе.

– Потому я и написала вам свой телефон. Всего доброго.

Когда она, кивнув на прощание, продолжила путь (стук ее каблучков звучал как метроном), я не смог сдержаться и прошипел:

– Палыч, это черт знает что такое!

– Край непуганых идиотов, – подтвердил тот.

Ехали с ветерком – пришлось приоткрыть окно, чтобы немного освежиться. Да и состояние Петровского у меня все больше вызывало опасения. Несмотря на относительно успешную попытку прочистить желудок, выглядел он не ахти, а если учесть, что мы планировали про-

должение банкета и даже кое-какую «культурную программу», то через час-два он мог окончательно превратиться в вязанку дров. И что мне тогда с ним делать? Без него я в этом мире потеоряюсь, как мальчишка. Я ведь не знаю ни телефонов местных экстренных служб, ни адресов, ни принятых здесь алгоритмов действий в подобных ситуациях. Черт возьми, я даже не знаю, чего ожидать от аборигенов, если уж обыкновенный патрульный полицейский здесь ведет себя как швейцар «Гранд Паласа».

– Не спи! – толкнул я его в бок, когда он начал заваливаться на мое плечо.

– Не вижу оснований не спать.

– Ты нормально разговаривать можешь, чертов идиот?!

Он икнул и тут же выпрямился. Огляделся по сторонам.

– Где мы?

– Ты у меня спрашиваешь? Ты велел таксисту ехать в «Лагуну». Где она, твоя «Лагуна»?

Вместо ответа Петровский постучал в стекло, отделявшее нас от водителя. Тот услужливо отодвинул створку окошка.

– Слушаю вас.

– Скажи, мусульманин... – Петровский икнул, а я вжался в кресло, ожидая гневной отповеди. Но седовласый таксист, к моему удивлению, не проявил никаких признаков дискомфорта. Даже улыбнулся. – Скажи мне, повелитель желтой колесницы, мы скоро приедем?

– Минут пять, – ответил таксист.

Умиротворенный политехнолог откинулся на спинку кресла.

Приехали, действительно, совсем скоро. Наш «форд» подкатил к самому крыльцу двухэтажного здания, сверкающего разноцветными огнями. Иллюминацию такого масштаба мне не доводилось встречать ни в одном провинциальном городке страны. Сразу вспомнилась советская школьная юность: тогда единственными очагами культуры в маленьких районных центрах и даже зажиточных деревнях были местные кино клубы и библиотеки, и веяло от них такой неизбывной тоской, что местная молодежь, разумеется, по достижении зрелого возраста старалась как можно скорее наострить лыжи в большой город.

Но в этом сказочном месте с современным досугом все было в порядке.

Таксист снова приоткрыл окошко, в ожидании уставился на Петровского. Тот, в свою очередь, обратил вопрошающий взор на меня. Разумеется, мне ничего не оставалось, как снова расчехлить свой бумажник, и я уже понял, что в ближайшее время мне придется делать это постоянно.

– Сколько там натикало?

– Пять.

Расплатившись, мы выгрузились из машины на площадку перед клубом. Проветрившийся немного в пути Евгений Палыч выглядел чуть лучше, хотя по-прежнему не очень уверенно стоял на ногах. Мне пришлось его поддерживать.

– Мы выглядим с тобой так, будто отмечали золотую свадьбу, – сказал я, оглядываясь на толпу молодых людей, собравшихся в стороне от крыльца. Парни и девушки с любопытством косились в нашу сторону.

– Не переживай, – отозвался Женя. – Тут никого этим не удивишь.

– Толерантность?

– На марше. Я ж говорю, непуганый край... О!

Он неожиданно выпрямился, остановился в двух шагах от крыльца и даже отстранил мою руку. Едва не упал.

– Чего ты?

– Меня осенило!

– Чем?

Он нагнулся к моему уху:

– Давай опрокинем этот чертов прекраснотушный город в тартарары! Давай погрузим его в пучину разврата! Я готов стать застрельщиком процесса! Я обкатаю на этих толерастах новейшие технологии, которые еще никто не использовал! Мы устроим им кузькину...

Я отстранился. Признаюсь, его болтовня начинала меня утомлять. В отличие от своего спутника, я уже встал на путь протрезвления. Мой метаболизм позволял потреблять значительное количество спиртного при хорошей закуске почти безо всякого ущерба для сознания. С другой стороны, это накладывало некие обязательства перед теми, кто на моих глазах превращался в тыкву.

– Постарайся сделать так, чтобы я не тащил тебя обратно в гостиницу на своем горбу.

– Это мы еще посмотрим, кто кого понесет.

Я, разумеется, бывал во многих увеселительных заведениях и обычных ресторанах. Не люблю я сам готовить, если честно. Максимум, на что меня хватало в домашних условиях, это разбить на сковородке несколько яиц, засыпать их сыром, помидорами и зеленью, а потом все это свалить в безразмерную тарелку. Для холостяцкого завтрака сойдет, а вот обеды и ужины я предпочитал проводить там, где знают толк в хорошей еде.

Словом, я более-менее знаю, что представляют собой подобные заведения, но то были заведения в *моем привычном мире*. В клубе «Лагуна» я почувствовал себя так, словно попал в голливудский фильм.

Во-первых, по ушам сразу ударила одна из моих любимых песен «ZZ Top» – «Viva Las Vegas». Никаких привычных нашему уху «ынц-ынц» и «О боже, какой мужчина!». Во-вторых, интерьер напоминал совсем не ночной клуб, а скорее паб с очень демократичными традициями. Довольно тесноватое помещение, отделанное темным деревом, вмещало полсотни человек, вяло толкущихся в центре небольшой танцевальной площадки (многие – с бутылками пива в руках) и в полутемных углах. Столики у стен, длинная стойка, несколько разноцветных прожекторов под потолком, а в самом дальнем углу небольшая сцена с ударной установкой и двумя микрофонами – вот и весь клуб.

Очевидно, лицо мое украсила блаженная улыбка, потому что Женя, не сводивший с меня любопытного взгляда, проорал в ухо:

– Что, майор, приторчал?

– «Гадкий койот» какой-то!

– Я знал, я знал! Потому и притащил тебя сюда. Это тебе не Тверская-Штрассе и крабы в твердом панцире! Это настоящий рок-н-ролл! Пошли уже вмажем по кружечке. Здесь отличное пиво!

Он потащил меня в угол зала. По пути мы пару раз наталкивались на локти танцующих парней и девчонок. Кто-то ругнулся, из чьей-то бутылки выплеснулось содержимое, залил рубашку Петровского, но по морде никто не засветил.

Вопреки ожиданиям, Женя разглядел-таки в полумраке свободный двухместный столик. Над ним на высоте около метра нависали гигантские олени рога. На одном из рогов висел красный лифчик.

– Я бывал тут часто, пока финансы позволяли, – сказал Петровский. – Они даже кредит открывали, а потом... – Он махнул рукой, смутившись, но затем с внезапным озарением продолжил: – Но ты же поможешь мне рассчитаться?

– А не совсем ли ты...

– Охренел? Брат, я отработаю. Я тебе пригожусь, честное слово. Без меня ты тут пока никуда, согласишься, так что это не очень большая плата за услуги гида.

– И насколько небольшая?

– Рублей триста.

Я вспомнил здешние курсы валют и сдержал ухмылку. Сколько же он мог тут нажрать в кредит, если шикарный ужин в отеле «Каскад» обошелся мне в сто двадцать рублей? С другой стороны, толерантность здешнего персонала к потрепанному алкашу в сером костюме вызывала невольное восхищение. Похоже, город весьма благодушно настроен к роду человеческому, а этот болван собирается погрузить его в пучину разврата.

Флаг тебе в руки, клоун.

«ZZ Тор» смолкли. Раздались аплодисменты и крики «вау». Во время паузы на маленькую сцену в углу вышли музыканты – три лохматых чувака, судя по виду, заставшие еще эпоху детей цветов.

– Привет еще раз! – подойдя к микрофонной стойке, крикнул один волосатик с гитарой, самый седой из троих. – Еще поиграем, окей?

– Окей!!! – прокричала толпа.

Женя нагнулся к моему уху с пояснениями:

– Местная команда, называется «Канистра». Название тупейшее, но играют как боги, чесслово...

Пока музыканты настраивались на следующую песню, к нам подошла официантка. Контраст с Катей Пчелкиной из привокзального кафе был разительным. Коротковолосая обесцвеченная блондинка из «Лагуны» явно забыла половину гардероба дома. На ней были короткий джинсовый топик, едва удерживающий внушительную грудь, и узенькие шорты, висевшие в метре ниже пупка. И еще она жевала резинку.

Девушка собиралась поздороваться, развязно улыбнувшись, но увидела моего спутника и тут же изменилась в лице:

– Набрался смелости?

Женя отнюдь не смутился.

– Сегодня рассчитаемся по полной, Маринэ! Слово бойскаута!

– Если бы дело было только в этом. Смертник ты, а не бойскаут.

Она не стала продолжать свою мысль, обратилась ко мне:

– Что пьем?

– Пару пива и какой-нибудь закуски.

Ничего не ответив, продолжая чавкать жвачкой, девушка ушла. На ее голой пояснице я обнаружил татуировку в виде кошачьей морды.

– Ты хотел девочек? – подмигнул Петровский. – Не теряй времени! Маринка сговорчивая.

Группа «Канистра» заиграла какой-то маловыразительный рок-н-ролл. Я ожидал услышать песню на английском языке, что вполне согласовалось бы с антуражем клуба, но ребята загорланили почему-то на белорусском. Не знаю, что там возомнил об их творчестве мой невольный гид, но если это была игра богов, то богов, изгнанных с Олимпа без выходного пособия.

– Местные «Песняры»! – гоготнул Палыч.

Маринэ исполнила наш заказ за пять минут. Я отхлебнул пива и принялся изучать обстановку.

Я расслабился.

Да, я отдыхал.

Актерская профессия накладывает свои отпечатки. И пусть вам кажется, что главная роль в бестолковом сериале про мента (как хорошо, что меня не слышит сейчас Сиротина) – не бог весть какое достижение, но до нее мне попадались интересные и разноплановые персонажи. Взять хотя бы бедного инженера, обвиненного в педофилии, в малоизвестном фильме «Расплата». Да и в театральном институте я нарабатывал навыки на приличном материале.

Словом, изучение физиономий и повадок окружающих людей давно вошло в привычку. Это меня обогащало.

Основу контингента отдыхающих в «Лагуне», как я уже сказал, составляли молодые люди обоих полов – в большинстве своем уже изрядно расслабившиеся – но попадались и интересные отдельные личности. Вот у барной стойки спиной ко мне сидит мужчина лет пятидесяти в строгой рубашке и брюках. Пьет из маленьких стопок коньяк или виски. Не закусывает. Медлителен, подолгу задумчиво смотрит на полки с алкоголем. Иногда отвечает бледной улыбкой на вопросы сидящих рядом девушек. Очевидно, безуспешно запивает какую-то проблему.

А вот в дальнем углу зала, справа от входа, отдыхает уже знакомый офицер местной полиции, встретивший меня на привокзальной площади. От «сударя» не осталось и следа. Он радуется жизни, как только может радоваться человек, сожравший за вечер недельную норму водки. С ним пара приятелей. Парень уже больше не на службе, имеет право снять маску, но что-то мне подсказывает, что завтра, если выпадет наряд на вокзале, он с трудом вернет эту маску на место.

За соседним с ним столиком сидит дама среднего возраста в вечернем платье красного цвета. Одна. Пьет сок. Ждет кого-то, периодически поглядывая на часы и теребя сумочку.

Люди как люди.

– Потихоньку знакомишься с новыми согражданами? – прищурился Петровский.

– Не повредит. Скажи, что это за тип за стойкой в белой рубашке?

– Думаешь, я знаю всех местных? – Палыч лениво проследил за моим взглядом. – А, этот... Его я как раз знаю. Его все знают. Важный хрен из местных, живет у Северных Ворот, высокий такой коттедж с башенками и шпилями.

– Бизнесмен?

– Хуже. Бизнесмен, метящий в политики. Амбициозный, скользкий, хитрый. Одна неудачная попытка занять кресло мэра уже есть, но он не успокоился.

– Чем зарабатывает?

– У него рыбзавод за городом. Гнусный тип.

– Почему?

– Спустил меня с лестницы. Не буквально, конечно...

Я усмехнулся.

– Ты пытался продать ему свои услуги?

Петровский насупился.

– Имей сострадание к вышедшей в тираж политической проститутке!

– Заказать тебе еще пива? – предложил я.

Петровский смиренно кивнул. Чистый Оливер Твист.

Через час по физической кондиции мы с ним примерно сравнялись. Перед моими глазами все плыло – люди, лица, кружки, закуска. Физиономия политтехнолога периодически перемещалась из стороны в сторону, губы его шевелились, но я не разбирал и половины того, что он пытался до меня донести.

Помню, что позже к нам за столик подсели две темноволосые нимфы в топиках и коротких шортиках. Я уже ничего не имел против шумной компании. Девушки были веселы, раскованны, симпатичны. Одна из них шустро подсела ко мне на колени, вторая не без колебаний примостилась возле Петровского, который уже переходил на третью космическую скорость, чтобы навсегда покинуть Солнечную систему.

– Чем занимаешься, красавчик? – интересовалась моя нимфа, поглаживая мне волосы.

– Я артист больших и малых театров. Моя фамилия слишком известна, чтобы я ее называл!

Девушка нахмурилась, но я так осклабился, что она передумала обижаться, распознав иронию.

– И кого играешь?

– Мента!

– Кого?

– Кхм... копа! Или как они тут вас называются?

– А, поняла.

И она все гладила и гладила меня по голове, и все дымила мне в лицо сигаретой. Все же, как ни крути, хоть в обычной России ты живешь, хоть в вывернутой наизнанку, а люди везде одинаковые. Ангелы днем – ночью могут превратиться в шалунишек, особенно после обильного возлияния.

В правильности своих выводов я имел возможность убедиться уже очень скоро.

Тучная фигура заслонила от нас свет во время очередной паузы между танцевальной музыкой и выходом на сцену белорусской группы «Канистра». Фигура выросла перед столиком, напомнив мне первый выход Годзиллы из подземелий Нью-Йорка. Здоровенный мужик в кожаной жилетке на голом торсе и с нечесаными волосами опустил руки-молоты на стол.

– Отдыхаем, девочки?

Поначалу я решил, что вопрос адресован нашим подружкам, и подумал, что это пришел их бойфренд. Сейчас нас будут унижать и бить ногами. Проследив за взглядом Годзиллы, я понял, что ошибся. Мужик смотрел на Петровского.

– Чо? – спросил тот.

– У тебя хватило наглости припереться сюда снова?

«Кажется, этот вопрос сегодня уже звучал», – подумал я. Девочка, сидевшая у меня на коленях, сразу подобралась.

– Мы... ик!... мы в свободной, мать ее, стране... – Петровский поднял взгляд на пришельца. – Или нет?

Он мог бы и не спрашивать. Очевидно, свободной эта страна являлась для всех, кроме него – человека во всех смыслах для нее чуждого.

Годзилла протянул массивную руку к его шее. Я попытался вмешаться, но моя брюнетка подпрыгнула у меня на коленях. Я трактовал этот жест как предложение не вступать. Рука мужика, между тем, ухватилась за ворот рубашки Палыча. Сидевшая с ним девушка сразу ушла из-за столика.

– Я предупреждал тебя не приносить сюда свою задницу?

Петровский выглядел потерянным... и испуганным. Ни следа превосходства, сарказма или юродства на лице не осталось. Я все-таки решил не дожидаться финала мизансцены и спросил как можно вежливее:

– Так, дружище, может, мы все-таки разберемся, что к чему?

Не знаю, что именно ему не понравилось – обращение «дружище» или моя попытка принять участие в дискуссии – но мордоворот резко переключил внимание на меня.

– Не стоит, красавчик, – пропела мне в ухо моя подружка.

Я снял ее руку со своего плеча и вежливо отстранил. Девушка, хмыкнув, поднялась и отошла в сторону. Мы остались втроем. Публика в кабаке стала проявлять интерес к нашей беседе.

– А ты у нас кто? – спросил Годзилла. Я не мог четко разглядеть черты его лица, мне он по-прежнему представлялся бесформенной грудой мышц.

– Я тот, кто не хочет проблем на ровном месте.

– На ровном месте? – хмыкнуло существо.

– Это мой друг! – пискнул Петровский. – Он поможет нам... ик!.. разрешить наши разногласия... пойдёмте на воздух, господа...

Я не успел отреагировать. Не говоря ни слова и, кажется, даже не повернувшись корпусом, Годзилла резко выбросил свой пудовый кулак в сторону политтехнолога. Петровский опрокинулся вместе со стулом. Раздались девичьи визги.

– Э, братан!!! – закричал я и приподнялся. В ту же секунду второй пудовый кулак вылетел в мою сторону.

Свет померк окончательно. Падая, я, кажется, ухватился за кого-то из соседей, и мы упали вдвоем. Тяжелое тучное тело пригнуло меня к полу, а дальше...

А дальше я ничего не помню.

4. Попытка к бегству

Проснулся я в номере отеля. «В комнате с белым потолком, с правом на надежду».

Лежал в одежде на кожаном диване в гостиной. Рубашка была расстегнута до пупа. Носок на правой ноге отсутствовал. Столик с остатками ужина откатился к окну. Под диваном стояла недопитая бутылка коньяка.

Выплывал я из небытия долго. Подниматься не хотелось. Голова гудела, лицо ныло от удара. В желудке творилось что-то невообразимое. Минут пятнадцать я просто смотрел на потолок и мысленно клял последними словами своего приятеля. Нужно будет призвать его к ответу и при необходимости вломить еще разок. Для ума.

Я приподнялся, опустил ноги на пол. Часы на стене показывали четверть десятого. Необычное время пробуждения для меня похмельного. Обычно после бурной вечеринки я начинаю ворочаться уже в пять утра. Видимо, тут совсем другой воздух.

Я хмыкнул, посмотрел под ноги. Один только вид коньяка в бутылке примирял с действительностью, а уж когда я его пригубил (прямо из горла – чего нам, аристократам!), то на душе стало легче.

– Палыч! – крикнул я в пустоту комнаты.

Тишина. Ни движения. Только птицы за широко распахнутым окном напоминали о солнечном и теплом деньке.

– Политтехнолог, чтоб тебя!!!

Я прошел в первую спальню (мы их так и не успели распределить между собой). Обнаружил нерасправленную кровать и стерильную чистоту.

Заглянул во вторую. Та же картина.

В раздумьях тягостных я остановился посреди гостиной. Что произошло в клубе «Лагуна» после моего отключения от сети, можно было только догадываться. И хоть меня не очень заботило, чем Петровский сумел вызвать такую жгучую неприязнь аборигенов, лично мне он все же был необходим как единственный поводирь в новой реальности.

Свою куртку я обнаружил валяющейся у изголовья дивана. Я поднял ее, судорожно ощупал... хвала Вселенной, бумажник ютился во внутреннем кармане, и его содержимое подсказало мне, что ничего лишнего с меня в клубе не взяли! Не хватало всего полусотни рублей. Впрочем, я мог сильно не волноваться – все самое ценное и свои банковские карточки, единственные ключики к здешним замкам, я вчера предусмотрительно спрятал в сейфе.

– Так, ну и чего теперь? – произнес я вслух.

Вместо ответа раздался звонок телефона на тумбочке в прихожей. Звонок мерзкий, заставивший подпрыгнуть. Во всех гостиницах независимо от звездности почему-то ужасные телефонные аппараты.

– Алло? – сказал я в трубку.

– Господин Круглов? – вежливо, но не без ехидства, поинтересовался портье.

– С небольшой натяжкой, – пошутил я.

– Ээ... ммм...

– Я, я! Слушаю вас.

– Доброе утро. Вам звонок с городской линии. Соединять?

«Вот он, говнюк! Объявился!».

– Да, конечно, давайте.

В трубке раздался шелчок.

– Ну, и где носит твою задницу, гид несчастный! – почти радостно прокричал я, ожидая услышать извиняющееся блеяние Евгения Палыча. Но в трубке раздался совсем чужой голос. Низкий, неприятный.

– Слушай сюда, – не утруждая себя приветствием, сказал собеседник. – Если хочешь получить его задницу целой и невредимой, к вечеру принесешь деньги, куда тебе укажут. Иначе и его порвем, и тебе кранты. Уяснил?

– Эээ, что? Какие деньги?

– Какие нам должен твой приятель.

– А причем здесь, простите, я?

– А ты за него поручился, – хмыкнул человек.

Я проскрипел зубами.

– И что за деньги?

– Триста.

– Вы могли бы взять их вчера в бумажнике, пока я был в отключке. В чем проблемы?

– Ты не понял. – Человек взял небольшую паузу. – Триста тысяч.

Я потерял дар речи. Спина похолодела. А мой собеседник между тем закончил беседу ультиматумом:

– Запоминай место и время...

Я машинально протянул руку к левой подмышке – туда, где майор Косыгин, которого я изображал на экране, носил оружие.

Бутылка коньяка опустела. Я стоял на балконе и, выкуривая сигарету за сигаретой, грубо пререкался с внутренними демонами, которые принялись уговаривать меня заказать еще одну бутылку и немедленно ее выкушать.

Но не поддался я.

Триста тысяч! Помнится, Петровский называл сумму в триста рублей, но, видимо, это был долг перед «Лагуной» за обеды и ужины. Триста же тысяч он оказался должен каким-то другим людям, и вот об этой космической сумме подлец предпочел умолчать. Да еще и рискнул привести меня туда, где нас чуть не разорвали.

Как совершенно справедливо выразилась официантка Маринэ, он не бойскаут, он смертник.

Стоило ли спасать его после такой подставы? Триста штук – это около четверти моих нынешних сбережений, то есть с голоду не помру. Но это совершенно не означало, что я должен субсидировать местных якудза. С какой радости?! И неизвестно еще, в какую отчаянную авантюру вляпался Петровский. Да, этот мир очарователен в своем простодушии, но, как выяснилось, преступность здесь тоже имеется.

На карниз балкона присел воробей. Внимательно уставился на меня. Что-то чирикнул.

– Чего тебе?

Он еще раз чирикнул, не сводя с меня глаз-бусинок. Я вздохнул, затушил сигарету в пепельнице.

– Ничем не могу тебе помочь, пернатый. Мне бы кто помог.

Я вернулся в комнату, лег на диван, уставился в потолок. И кое-что вспомнил.

«Шоу Трумэна». Жизнь под колпаком. Вчера я отложил время необходимых размышлений на попозже, и вот это «попозже» наступило. Выход был только один.

Через полчаса я, заметно посвежевший, вышел из душа. Тут же с сожалением отметил, что не мог сказать того же о своем гардеробе. Вчера в баре на меня пролили пиво, пусть немного, но запах, что источала моя рубашка, совсем не походил на аромат «Хьюго Босса». Джинсы и куртка еще куда ни шло, но вот рубашка...

Я принялся рыться в шкафах и прикроватных тумбочках спальни в поисках завалящего антиперспиранта. После великолепия, ожидавшего меня в душе – всех этих шампуней, гелей для мытья и прочих мыльно-рыльных принадлежностей – мне казалось, что я мог бы рассчи-

тивать хоть на огуречный лосьон. Ничего не нашел. Затем отправился обратно в ванную комнату и еще раз внимательно осмотрел всю парфюмерную коллекцию.

Мне повезло. Я нашел какие-то две маленькие пшикалки с приличным запахом. Долго обнюхивал их, пытаюсь определить, которая из них мужская, потом бросил это занятие и напшикал на рубашку. Вроде ничего. Все-таки здешний сервис очень даже на высоте. Жаль, в номер нельзя заказать свежие трусы и носки...

Или можно?

Я не стал проверять, чтобы совсем уж не попасть впросак. Вчерашний портье, провожавший нас недобрым взглядом, все еще оставался на смене. Не стоит привлекать к себе внимания больше, чем мы уже привлекли.

Я накинул куртку, обулся, проверил деньги и документы. Вспомнил, что оставил пачку сигарет на балконе, но возвращаться за ней не стал. Решил, что куплю в городе.

Со вздохом оглядел номер и поймал себя на сожалении, что не смог провести здесь больше времени. Вчера в поезде я рассказывал Аллочке Сиротиной, что мечтаю отправиться на рыбалку в какую-нибудь тихую гавань. Кажется, маленький городок со странным названием Край вполне годился. Наверняка здесь есть и красивые реки с озерами, и зеленые луга. По крайней мере, из окна открывается отличный вид.

Если бы не этот идиот Петровский!

Да и ладно, черт с ним, чего уж теперь.

Портье с зализанными волосами встретил меня не особенно дружелюбно. Точнее, подчеркнуто нейтрально, без того елея в голосе, с которым он нас приветствовал при заселении. Кроме того, в его глазах я прочел желание высказаться.

«Молчи, служивый, – подумал я, – тебе не за это платят».

– Намерены покинуть нас? – спросил он, принимая от меня карточку гостя.

– Да, пожалуй.

– Очень жаль.

– Почему же?

– Мы очень рады гостям и испытываем чувство гордости, если они остаются у нас дольше. Уверяю вас, «Каскад» – лучший отель в городе. Все важные персоны, в том числе личные гости нашего мэра Константина Крутова, останавливаются именно у нас.

Я хмыкнул. «Предвыборная агитация». Судя по интонациям, в число гостей, которым тут рады, мы с Петровским не входили.

– Возможно, в следующий раз я задержусь, но сейчас у меня важные дела. Какой день недели сегодня?

– Воскресенье. Проездом в нашем городе?

Он расспрашивал меня, не поднимая глаз. Я почувствовал себя неудобно.

– А это важно?

Тут он удостоил меня взглядом и даже неким подобием улыбки.

– Никакого скрытого умысла, сударь, просто повторюсь...

– Не переживайте, я всем доволен, замечательный номер и потрясающий вид из окна.

В следующий свой визит я остановлюсь именно у вас.

На стойке зазвонил телефон. Портье снял трубку, выслушал доклад и молча кивнул.

– С номером все в порядке, господин Круглов. Счастливого пути.

– Всего доброго.

Я направился к дверям, но не вышел сразу, задержался у кофейного автомата, осмотрел список предлагаемых напитков. Краем глаза заметил, что портье сверлит меня взглядом.

Нет, ребята. Как говорил Шариков, находясь в своем собачьем обличье, эту птицу надо все-таки разьяснить.

Я вернулся к стойке.

– Простите, что отвлекаю, но я хотел бы кое-что уточнить.

Глаза портье излучали неподдельное внимание. Он, несомненно, праздновал победу.

– Как я... кхм... или мы... – Я не знал, как лучше сформулировать, чтобы не опозориться. – Словом, не подскажете ли, в котором часу я вернулся в номер?

– Около двух. – Он даже не запнулся.

– А как я... меня привезли или я сам?

Я покраснел до мочек ушей, понимая, что признаюсь сейчас перед незнакомым человеком в алкогольной амнезии.

– Вас привез ваш вчерашний спутник. Кажется, господин Петровский, если я правильно помню фамилию нашего частого гостя.

– В смысле?! – опешил я.

– Он доставил вас в номер, а сам сразу уехал. Его ожидало такси.

Я совсем сконфузился, опустил локти на стойку и начал барабанить по ней пальцами.

– Послушайте, любезнейший, я прекрасно вижу по вашим глазам, что мое давешнее состояние не вызвало у вас восторга, но это ни в коей мере меня не беспокоит. Я действительно ничего не помню. Как вел себя Петровский?

Портье больше не стал скрывать эмоции, гаденько ухмыльнулся.

– Это конфиденциальная информация.

Я со вздохом полез в бумажник. Сколько раз я наблюдал подобную сцену в кино, но не думал, что буду воспроизводить ее в реальной жизни. Голливудский штамп.

Я выложил на стойку сотенную купюру. Портье посмотрел на нее с оттенком брезгливости. Я добавил еще одну такую же. Он тут же смел их к себе и вкрадчиво сообщил:

– Благодарю вас. Так вот, господин Петровский был достаточно трезв, чтобы бережно довести вас до номера и вернуться к машине. Он выглядел вполне адекватным. Хотите узнать что-то еще?

Я отрицательно покачал головой.

Много лет снимаясь в ментовских фильмах, я все же невольно перенял некие правила и привычки у своих персонажей, поэтому, покидая отель на такси (портье любезно оказал мне на прощание эту услугу), я аккуратно осматривался вокруг в поисках возможного «хвоста». Но поскольку местность вокруг отеля была довольно открытой и никакой шпик не сумел бы от меня спрятаться, я ничего не заметил. Ни одна припаркованная перед зданием машина также за нами не увязалась, сзади все было чисто.

Расплатившись с таксистом, я вышел на привокзальной площади. Огляделся. Пушкин все так же посматривал на меня с немим упреком за отсутствие вожденной кружки, а на месте вчерашнего галантерейного патрульного дежурил мужчина постарше, седой и статный. Пересекаясь со мной взглядом, он кивнул и улыбнулся.

В центральном холле я остановился. Минутой ранее мои намерения были мне предельно ясны, но тут я почему-то притормозил. Мир, в который я проник сквозь какую-то прореху, подобно монетке, провалившейся в штанину из дырявого кармана, казался мне одновременно и чуждым, и притягательным. Кроме знатной попойки и идиотской поездки в ночной клуб, здесь было много других приятных и не достижимых в нашем привычном мире вещей. Семейное кафе «Пчела», которое не пытались задуть ни пожарные, ни санэпидстанция, ни налоговая инспекция; ипотека под пять процентов годовых; милые уютные жилые кварталы пригорода; Пушкин вместо Лукича... да, кстати, еще ведь была милая девушка Аня, не пугавшаяся темноты и недобрых людей.

Я вспомнил тему одного из сочинений, которые нам назначали для разработки в средней школе – «Мир, в котором мне хотелось бы жить» – и хмыкнул. Нехорошо как-то хмыкнул, зло.

Тема должна была звучать иначе: «Мир, который мы могли бы создать, да кишка тонка».

Я направился в левое крыло, к железнодорожным кассам, внимательно изучил электронное табло с расписанием поездов – направления, время прибытия и отбытия, длительность стоянки. Поискал глазами поезда на Москву, опасаясь, что не найду. Нашел. Вот она, родимая столица.

Сунулся в свободное окошко.

– До Москвы есть что из самого ближайшего?

Дородная тетенька в синем костюме, от которой ожидаешь грубостей, приветливо улыбнулась:

– В одиннадцать сорок проходящий из Челябинска.

Я посмотрел на часы. Уже через полчаса. Бинго!

– Беру любое место, хоть плацкарт.

Тетенька постучала клавиатурой компьютера.

– Сорок семь рублей за эконом-класс.

Отметив про себя, что никогда не смогу понять принципов здешнего ценообразования – кассирша назвала мне сумму, всего лишь в десять раз превышающую стоимость поездки на городском такси или обеда в кафе – я отсчитал купюры, забрал билет и направился к выходу. У киоска с прессой задержался, купил пару местных журналов и газет с не знакомыми мне названиями («на память!») – уверял меня внутренний голос) и вышел на перрон.

Светило солнце, необычно теплое для второй половины августа. Пути были свободны, по платформе, в отличие от вчерашнего вечера, сновали люди. По другую сторону вокзала моему взору открывалась южная часть городка, которую Петровский не успел мне показать. Она мало отличалась от северной – все те же прятничные жилые кварталы, старая архитектура, современные башни. Я сел на скамейку, закурил и стал ждать. Стал думать.

А думал я вот о чем: если сюда можно было попасть, стало быть, отсюда можно было и выбраться. Любая дверь пропускает трафик и в одну, и в другую сторону, иначе не бывает. Я не знаю, какие способы предпринимал сам Петровский, но что-то мне подсказывало, что он испробовал далеко не все. Если случился такой замечательный день, когда он встретил своего настоящего земляка, почему не предположить, что случится другой прекрасный день, когда отсюда можно будет удрать?

Я шел наугад. У меня не было ни малейшей уверенности. Но если я попробую? Кто мне помешает?

Вот сейчас сюда придет поезд на Москву... в какую Москву он меня привезет? На каком Казанском вокзале я сойду? И будет ли там Казанский вокзал? Что это вообще будет за город?

Эта мысль меня не на шутку возбудила. А ведь черт подери! Ведь я сейчас краем глаза глянул на «новую Россию» в ее глубинке, которая, как рассказывал Палыч, оставляет себе большую часть собираемых налогов. И здесь реально круто! А что ж тогда творится в мегаполисах?!

Конечно, если ничего не выйдет с бегством, мне будет жаль друзей, знакомых и нужные связи. В конце концов, в Старом Мире мои родители остались. Но перспектива оказаться в изменившейся до неузнаваемости стране все-таки манила. Только интересно, чем я буду заниматься? Чтобы попасть в театральный институт, затем пробиться в высший эшелон современного кинематографа, мне пришлось проделать гигантский путь, получить немало синяков и ссадин. Неужели придется начинать все сначала? С простого осветителя на «Мосфильме»?

Ох, брат, сколько вопросов. Погрузи свое тело в плацкартный вагон (или, как он тут называется, «эконом-класс») и решай проблемы по мере их поступления. Денег пока хватает, чтобы какое-то время просто хватать ртом воздух.

Незаметно для себя я задремал. Уморился, братишка. Солнце щекотало щеки, в нос пробивался запах мазута. Тишина, никуда не хочется отсюда уезжать...

...Проснулся я от грохота состава, прибывшего на первую платформу. Вот он, мой поезд до дома.

В билете значился восьмой вагон. Передо мной остановился седьмой. Я прошагал к своему тамбуру. У восьмого вагона толпился народ – отъезжающие и провожающие. Пришлось ждать своей очереди. Кстати, поезда в этом мире отличались от наших. Очевидно, что годы технологического прогресса, безнадежно утерянные нами, в здешних краях принесли результаты. Поезд выглядел очень современно, был похож на те, что я видел в Европе...

...и тут я безвольно опустил руки и остановился. Если бы не похмелье, я догадался бы о тщетности своей попытки сбежать на пару минут раньше. Проснись уже, старик! Посмотри на состав! В свой мир тебе не вернуться. По крайней мере, сейчас.

Кто-то взял меня за локоть. Не очень настойчиво, скорее, нежно. Но я все равно вздрогнул.

– Сергей!

Я обернулся. Передо мной стояла симпатичная девушка. Мне потребовалось время, чтобы узнать ее. Это была наша прекрасная ночная незнакомка, общительная и, как выразился Палыч, непуганая. Аня была одета в легкое белое платье до колен, сумочка висела на сгибе руки. Днем она выглядела совсем уж невероятно. Кусочек летнего солнца в сумрачном Лондоне моей жизни.

– Здравствуйте, ээ... Аня. – Я попытался скрыть свое смущение. – Вы тут... какими... в смысле, что вы тут делаете?

– Провожала подругу. Она уже в вагоне. А вы тут как?

Я замешкался. Долго объяснять.

– Стало быть, вы действительно не местный. Уезжаете?

– Угу.

Она неловко помолчала, поглядывая по сторонам. Вроде бы у нас не было веских причин вести долгую беседу. Встречались-то всего один раз. С другой стороны, наша встреча тут, на перроне вокзала, казалась любопытным стечением обстоятельств.

– Ну что ж. – Она все же посмотрела на меня. Боже, какие красивые у нее глаза! – Счастливого пути. Будете снова у нас проездом, звоните. Мой телефон у вас, кажется, есть. Не потеряли?

– Ношу возле сердца.

Она хихикнула. Сколько ей лет? Двадцать пять – тридцать? Где-то в этом диапазоне. «Братишка, ты не староват для нее?».

И тут у меня вылетел из уст вопрос, который я задаю малознакомым девушкам только в состоянии сильного алкогольного опьянения. Казалось бы, актерская карьера приучила фильтровать базар, но я не успел сомкнуть губы.

– Аня, вы замужем?

Улыбка на мгновение застыла на ее лице. Да, я задал совершенно неуместный и глупый вопрос, но... прости уж, я ведь не местный.

– Вы почему спрашиваете?

Я стушевался. Очередь у входа в вагон рассосалась, проводница вопросительно поглядывала на меня. Пора валить. Но ноги словно приросли к асфальту.

– Так, вдруг отчего-то подумалось... нет, извините, дурацкий вопрос.

Девушка пришла мне на помощь.

– Я была замужем, Сереж, если вас это так интересует.

– Да, в общем, не особо... А дети есть?

– Это важно? – Легкая тень накрыла ее очаровательное солнечное личико. – Нет, не успели обзавестись.

Проводница уже сверлила меня взглядом.

– Ладно, еще раз простите меня, дурака. Вы очень симпатичный человек, а у меня в этом городе, повторюсь, никого из знакомых нет.

– Ну что ж, будет повод вернуться. Всего вам доброго, Сережа!

Аня мягко опустила руку мне на плечо, и этого жеста оказалось достаточно, чтобы желание уезжать окончательно пропало. Не говоря более ни слова, она развернулась и зашагала к входу в здание вокзала. Через несколько мгновений ее белое платье исчезло за стеклянной дверью.

Я подошел к проводнице. Надо было протянуть билет, но я стоял как замороженный.

– Две минуты до отхода, – напомнила девушка.

Да, я уже понял, что это *не наши* поезд, и привезет он меня, скорее всего, *не в мою Москву*. Тогда зачем? Здесь куда как лучше. Но, с другой стороны, если мой родной поезд проскочил вчера через какую-то нору и занес меня сюда, то, может, и этот состав проскочит через ту же норку и вернет звезду телевидения обратно, к Аллочке Сиротиной и вожаденной рыбалке в Рязанской области? Как в «Лангольерах» Стивена Кинга: обратный путь лежит через ту же дырку в заборе.

Я обернулся к дверям вокзала. Вдруг Аня оглядывается на меня через стекло?

Но я увидел кое-что другое. Стоявший у колонны седовласый мужчина в голубой рубашке с закатанными рукавами и в джинсах пристально смотрел на меня и отрицательно качал головой.

5. Предлагаемые обстоятельства

Нового знакомого, который сорвал мою попытку к бегству, звали Николай Владимирович Святлов. Никогда не любил отчество Владимирович. Его невозможно сократить, как Палыч, например, и трудно произносить отдельно, как Петрович. «Владимирыч» звучит ужасно, даже моя актерская дикция с этим не справляется.

Мы сидели все в той же «Пчеле» на привокзальной площади. Дочь хозяев Катя Пчелкина была на месте и сразу меня узнала, приветливо улыбнулась. Преимущество маленьких городов в том, что все добрые и милые люди друг друга знают, и не только в лицо.

Мы пили чай. Крепкий, с лимоном, как я любил. Гостеприимная Катюша запомнила мои потребности.

– Итак, что это за веская причина, по которой я выбросил на ветер почти полсотни рублей за билет? – поинтересовался я.

– Не прибедайся, Сергей, – отмахнулся Святлов, – ты можешь позволить себе швырять баранки в Москва-реку.

Мой собеседник был похож на преподавателя какого-нибудь серьезного курса в МГУ – например, психологии или юриспруденции – который в аудитории всегда носил строгий костюм, а сейчас, жарким летом, сбросил тесные официальные одежды. Упругий, статный, с белой как снег головой. Правда, разговаривал он со мной немного свысока, стальным голосом, от которого холодела поясница. И еще это его небрежное «тыканье» с самого начала. Нет, вряд ли профессор.

– А вы, смотрю, прекрасно осведомлены о моих финансовых делах, Николай Владимирович.

– Конечно, – ухмыльнулся тот. – Кто же не знает Косого.

Несколько секунд я просто смотрел на него. Не могу сказать, что реплика меня ошарашила. В конце концов, если в этом мире затерялись мы с Петровским, то логично было бы предположить, что подобная участь постигла еще кого-нибудь из наших «земляков». Но, тем не менее, известие озадачило.

– Вы тоже из наших мест?

Он кивнул.

– Откуда, если не секрет?

– Из Уфы. Майор уголовного розыска. Районное отделение. *Настоящий майор*, уж прости мой сарказм.

– Прощаю. Как вы здесь оказались?

– Отпуск. Собирался провести в Москве пару дней, а потом мотануть к сестре в Питер. Вышел покурить здесь, прикупить пару сэндвичей в буфете и газет. Результат налицо.

– Вкусные сэндвичи?

– Лучше нашенских.

Я отпил чаю.

– Сколько здесь?

– Почти три недели.

– Как вышли на меня?

Тут он позволил себе улыбнуться. Но улыбка его... как бы поточнее выразиться... в общем, от такой улыбки подозреваемый на допросе может надристать в штаны.

– Ты забыл: я *настоящий майор уголовного розыска*. Пардон еще раз.

Я снова отпил из чашки. Пятнадцать минут назад Катя Пчелкина предлагала мне весьма аппетитный ланч, состоящий из порции солянки, жареного картофеля с беконом и кофе, и я сказал, что чуть позже обязательно сделаю заказ, но к настоящему моменту аппетит пропал.

Естественно, в голове у меня крутился важный вопрос.

– Что вам от меня нужно? Почему не дали уехать? Вы тоже собираетесь погрузить этот дивный новый мир в пучину разврата и хаоса? Думаю, у наших ментов есть для этого все подходящие навыки. Да, кстати, простите мне мой сарказм. – Я вежливо поклонился.

– А ты зубастый. Люблю таких. – Он посмотрел в окно, на залитую солнцем привокзальную площадь. – Ты прав, Сергей, это замечательный мир. Здесь воздух другой, глаза у людей другие. И практически нет для меня серьезной работы. В больших городах не бывал, но, по крайней мере, в этом маленьком городке точно нет. Вернее, *не было*...

– Что вы имеете в виду?

Он посмотрел на меня серьезно. Ни сарказма, ни издевки.

– Я не собираюсь погружать этот мир в пучину разврата. Я хочу это предотвратить. И мне до зарезу нужен помощник вроде тебя. Хоть ты и не настоящий мент. Пардон в третий раз.

Разговор мы продолжили в парке рядом с городской администрацией. Неспешно прогуливались по аллее. Как и вчера, зеленые лужайки напротив невысокого здания ушедшей эпохи занимали праздные горожане – мамы с детьми, бабушки и дедушки. На площади перед крыльцом по идеально ровному асфальту катались на роликах и самокатах подростки.

– Идиллия, верно? – спросил Святос.

– Край непуганых, как говорил Петровский.

– Хм, точно подмечено. На язык он остер, этого не отнимешь.

– Давайте не будем расползаться мыслию по древу. Рассказывайте все, что знаете.

Он глубоко вздохнул, из чего я сделал вывод, что информации этот сыскарь собрал предостаточно и она меня отнюдь не обрадует. Уж если *настоящий майор* демонстрирует растерянность, то чего ожидать от меня.

Мы присели на свободную лавочку.

– Твой Петровский – редкий жучара. Не исключая, что тебя он поначалу обаял. Сыграл и фактор землячества – все-таки свой человек в этом странном месте, свой по менталитету. Точно так же он сделал и меня.

– Он встретил вас на вокзале?

Святос сморщился.

– Слушай, давай на «ты». Не смотри, что у меня башка седая, мне всего пятьдесят один.

– Лады. Он тебя встретил?

– Да. У крыльца. Предостерегал, чтобы я не входил, хотя и не слишком упорствовал. Только заинтриговал. Собственно, именно этого он и добивался – чтобы я вошел.

– И ты вошел...

– Как видишь. Мы не очень долго общались. Он провел ознакомительную экскурсию, потом пожрал за мой счет в «Пчеле», поселил в гостиницу.

– «Каскад» на окраине?

– Нет. Тут недалеко есть небольшая семейная гостиница. Пожилая семейная пара держит двухэтажный домик с номерами на втором этаже и общей столовой внизу. Сами готовят еду, сами обеспечивают сервис. В общем, уютно и мило. Петровский скулил, что поиздержался в пути, давно без работы, но когда понял, что бухать с ним и оплачивать ему лобстеров я не собираюсь, очень быстро потерял ко мне интерес. Исчез на следующий же день. Только, дурашка, не подумал, что свой профессиональный интерес к нему сохраняю я. Короче, я его нашел. Живет на юге, в доме улучшенной планировки. В местном Сити открыл офис юридической консультации, нанял персонал, обзавелся транспортом.

– Вот жук! А как ты здесь устроился?

– Снял дом в спальном районе, когда понял, что застрял надолго. Тут это, кстати, сделать несложно, они просто смотрят в документы, заносят тебя в электронный журнал и вручают

ключи. Я ведь тоже пытался уехать, но когда увидел, что вместо фирменного «Южного Урала» Челябинск-Москва сюда подкатил какой-то космический корабль цвета начищенного серебра, решил, что затею эту пока надо оставить. Денег хватало на оплату жилья на несколько месяцев вперед, на питание, прочие расходы, и кое-что еще осталось в заначке. Но по сравнению с тобой я просто нищоброд. Я ведь догадываюсь, сколько платят звездам твоего уровня.

Я смутился, но комментировать не стал.

– Деньги при тебе? – спросил Святков.

– Да. Повезло, перед самым отъездом бросили гонорар.

– Сколько там?

Вопрос в лоб. Вообще-то не принято спрашивать о доходах, и в фильмах, если вы помните, почти никогда денежные суммы не оговариваются вслух, а пишутся на салфетках и других бумажках, но Святков смотрел на меня в упор, и я понял, что дело вовсе не в обывательском любопытстве.

– Чуть больше миллиона деревянными.

– Чуть – это сколько?

– Миллион двести...

Святков присвистнул, воздел глаза к небу, очевидно, производя в уме какие-то расчеты.

– Знаешь, Серега, бюджет муниципалитета – порядка сорока миллионов в год. Могу ошибаться, но не очень сильно. Все эти зарплаты бюджетников, образование, здравоохранение, культура, спорт, дороги, благоустройство. Причем бюджет профицитный, и тут эти рубли далеко не деревянные. Ты осознаешь, какие возможности сосредоточены в твоём бумажнике?

– Кажется, догадываюсь

– Ты один из самых богатых людей этого города. У тебя в кармане – зарплата учителей всех восьми школ примерно за полгода. Насколько мне удалось выяснить, миллионеров здесь человек двадцать, не больше. Петровский с самого начала прощупывал тебя. Конечно, он тебя сразу узнал – звезда кино, лицо с обложки, все такое. Поэтому допускал, что ты при хороших деньгах. И когда он удостоверился, что это так, взял тебя в оборот.

– Это я уже понял. Остается спросить только...

– Что ему нужно?

– Да.

Святков прищурился, долго смотрел на одну молодую мамочку, которая, кажется, собиралась покормить своего младенца грудью.

– Николай! Что ему нужно?

– Кхм... Интерес отнюдь не меркантильный. Конечно, он может срубить денег с какого-нибудь лоха... без обид, Сереж... но настоящие цели у него более масштабные.

Святков сделал паузу. Примы МХАТа могут покурить за кулисами.

– Через две недели здесь пройдут выборы мэра, время горячее. Глава муниципалитета вносит на утверждение городского совета кандидатуры на посты начальника полиции и окружного судьи. Это очень серьезные должности, если использовать их так, как привыкли мы в своём мире. Петровский пытается закрепиться здесь, подняться, устроить свою карьеру, а какие инструменты есть у политтехнолога? Правильно – пивком присосаться к чужому бюджету. Думаю, он выбрал Хилькевича, местного рыбного заводчика. Тот баллотируется уже во второй раз. Человек сложный, но не безнадежный.

Я вспомнил наш визит в «Лагуну». Кандидат в мэры тогда сидел за барной стойкой и грустил. Кажется, Петровский обмолвился, что уже подкатывал к нему с предложением услуг.

– Если парень окажется полезным местному бомонду, сумеет доказать свою нужность и незаменимость, то дела пойдут в гору. Выборы – отличный трамплин для таких, как он. Но времени вести честную избирательную у него почти не остается, так что, думаю, он собирается...

– ...устроить привычную ему возню, – закончил я.

– Примерно так. Мне кажется, он совершенно искренне хочет погрузить этот городишко в пучину разврата и хаоса. Не просто хочет, а страстно желает. Его, видите ли, бесит, что у этих получилось жить по-человечески, а он всю жизнь говно совковой лопатой в сидячем положении перекидывал.

Я кивнул. Мотивы Евгения Петровского стали теперь предельно ясны, как сегодняшнее небо над головой. Уязвленное самолюбие и заниженная самооценка некоторых людей не стимулируют их стать лучше, но понуждают к унижению других. «Не надо мне своей коровы, пусть сдохнет корова соседа». Старая русская забава.

– Вот же гад, – процедил я сквозь зубы.

– Согласен. Теперь расскажи мне в подробностях, как прошел ваш вчерашний день. Я, конечно, присматривал за вами, как мог, но иногда терял из виду.

Я рассказал все от начала и до конца – с момента встречи на вокзале до утреннего разговора с портье в гостинице. Факт знакомства с Анютой опустил – почему-то захотелось сберечь это у себя в глубине сердца (я не подумал, что он мог видеть нас на вокзале). Святлов слушал внимательно, изучая узоры тротуарной плитки. Когда я закончил, он удовлетворенно кивнул. Кажется, я справился.

– Все понятно. Окончание потасовки в клубе я видел. Если бы не охрана кабака, тебя распотрошили бы в темном углу. Но у местных, понимаешь, очень сильно развито гражданское самосознание. Кто-нибудь обязательно заметит, что к тебе лезут в карман или вообще куда-то волокут, вызовет копов. Все на виду, городок маленький, люди друг друга с детства знают. Когда они выяснили, что твой миллиончик остался в гостинице, посадили в такси, отвезли обратно, но Петровский в номере ничего не нашел. Пришлось забить тебе стрелку. Единственный косяк – он засветился перед портье, но, видимо, другого выхода не было.

– У меня еще вопрос. Тебе-то зачем все это нужно, Коль? Это чужой нам мир. Убраться бы домой.

Он отвернулся, снова приковал взгляд к молодой мамаше с младенцем. Та уже обнажила грудь. Ребенок умиротворенно ее посасывал.

– Если я скажу, что за державу обидно, ты согласишься?

– Не-а.

Он со вздохом поднялся со скамейки.

– Мне здесь нравится. Я, конечно, скучаю по дому и родным, но, знаешь ли, тоже чертовски надоело перекидывать дерьмо совковой лопатой в сидячем положении. Хоть немного поживу как человек, а там поглядим.

Мы рассмеялись.

6. «Денег нет, но вы держитесь»

На пресс-конференциях, посвященных премьерам фильмов с моим участием, или в интервью таблоидам мне часто задавали банальный до икоты вопрос: «Как вы работаете над своими персонажами?». Поначалу я отвечал на него серьезно, делая умное лицо и вспоминая правила составления сложноподчиненных предложений. Но когда количество подобных вопросов стало зашкаливать, я расслабился и понес откровенную пургу: «Подглядываю в бинокль за жильцами дома напротив, особенно если это женщины, готовящиеся принять ванну». «Пересматриваю ранние фильмы Арнольда Шварценеггера – очень уж у него тупая физиономия была». «Медитирую в туалете».

Ну а что? И мне забава, и журналистам повод языками почесать.

Однако вопрос на самом деле не так уж и прост.

Когда мне впервые подсунили сценарий с главной ролью оперативника (это было задолго до триумфа «Косого»), я от него отмахнулся: «Какой мент, я вас умоляю! Вы посмотрите на мою рожу – это ж как минимум аспирантура! Я ни черта не знаю о буднях уголовного розыска! Принесите мне Гамлета на тарелочке с голубой каемочкой!». Но Аллочка Сиротина уже тогда не лаптем щи хлебала. Приставила меня к одной оперативной группе на несколько дней, и я поймал приключений на свою задницу по полной. И в засаде сидел в бронежилете, и наркоманские притоны вместе с профессионалами накрывал, и водку хлестал из горла после очередной тяжелой операции. То есть прошел самую настоящую «школу капитанов». Единственное, чего мне не полагалось, это носить настоящее боевое оружие, – расщедрились лишь на муляж.

После этого изнурительного марафона я однажды посмотрел на себя в зеркало и обнаружил, что образ аспиранта как-то потускнел. Нет, не исчез совсем, но отошел на вторую позицию. Вперед вылез он – будущий Косой, гроза уголовников. Говорят, что в каждом из нас поровну намешано и добра, и зла. И ангелы, и демоны сидят внутри и препираются, чья очередь выходить на сцену. Вот мой демон и подсел однажды своего вечного антипода и пошел гулять по буфету.

Словом, к чему это я?

Очутившись в доме настоящего майора Николая Святова, я ничему не удивился. Истинный аскет, волею судеб оказавшийся вдали от малой родины. Одинокий волк-сыскарь. Именно такой, какими я их видел в реальной жизни и пытался изобразить на экране. Сам по себе домик, состоящий из двух больших комнат, открытой кухни и санузла, был очень аккуратным и уютным – дорогие рифленые обои теплых тонов на стенах, ламинат на полу, пластиковые окна. Мебель, правда, отдавала казенщиной, но не вызывала отторжения. Удобные диваны с тумбочками, шкаф, круглый обеденный столик с четырьмя стульями – все это напоминало простенькие гостиничные номера в трехзвездочных отелях. Приют командировочного. А вот остальные штрихи к натюрморту уже добавил от себя Святов.

– Сразу видно, ты не женат, – заметил я.

– Ошибаешься, – буркнул майор, – женат двадцать лет, и все двадцать счастливо, прикинь! Просто здесь я решил оттянуться. Иногда полезно побыть холостяком.

Он грустно усмехнулся, и в этот момент я снова вспомнил о своих родных. Жены у меня нет, но есть родители. Каково им сейчас? И каково сейчас Николаю, которого супруга, наверно, уже похоронила? Все-таки три недели – вполне достаточный срок, чтобы считать пропавшего без вести погибшим.

Что ж, «оттягивался» он на совесть. Почти вся большая комната была забросана одеждой – рубашками, носками, домашними штанами. В углу под ЖК-телевизором валялась спортивная сумка с распахнутой пастью, из которой торчала рукоятка теннисной ракетки.

На обеденном столике, словно временный монумент холостяцкой идиллии, возвышалась опорожненная водочная бутылка. Вскрытая и пустая консервная банка из-под кильки в томатном соусе составляла ей компанию. Про грязные приборы я уж и упоминать не стану.

Святов глядел на меня виновато.

– Вторую комнату я тебе сейчас приготовлю. А пока можешь потусить на заднем дворе. Я не стал его смущать, любезно принял предложение.

На задний двор я вышел через дверь в конце коридора, который отделял комнаты от санузла и кухни. Дворик представлял собой небольшую, в пару-тройку соток, зеленую лужайку. Две скамейки, клумба с цветами и мангал для шашлыка – все было как на картинках о счастливой жизни средней американской или европейской семьи с небольшими вкраплениями чисто русского деревенского колорита вроде легкого запаха навоза от соседних участков и деревянного частокола. К сожалению, вид за невысокой изгородью открывался отнюдь не идиллический: всего лишь соседние дома с точно такими же дворами. Возле дома, что справа, я заметил мужика в майке-алкоголичке. Он сидел на ступеньках крыльца и угрюмо курил, глядя на меня. Я приветственно кивнул. Он ответил тем же. На участке слева полноватая молодая женщина в домашнем халате развешивала на веревке свежевystиранное белье – детские футболки и шорты с трусиками. Увидев меня, она с улыбкой махнула рукой и крикнула:

– Здравсьте! Вы наш новый сосед?

– Ага! Здравствуйте!

– Хорошего дня!

Я уселся на скамейку возле панельной стены дома. Противоречивые чувства боролись во мне. Да, этот мир хорош, все такие приветливые, хоть и видят меня впервые в жизни, все так чисто, благородно, и никак нельзя допустить, чтобы какой-то проходимец, сколотивший группу одноклеточных единомышленников, устроил тут филиал Содомы и Гоморры. С другой стороны, здесь не видно привычной нам движухи, нет огня, страсти. Что тут делать? Жир нагуливать? Может быть, в больших городах ситуация иная, но тут...

– Охладиться не желаешь, Серега?

Святов стоял на крыльце. В руках он держал две открытые бутылки пива.

– Днем здесь тихо, – рассказывал майор, неспешно потягивая ледяной напиток. – Люди работают на фабриках, в офисах, просто в городе на бюджетных местах – врачи, учителя. Работники ферм тут тоже в большом изобилии. Вечерами собираются семьями на своих задних дворах, жарят мясо. Дети визжат, мамы кудахчат, мужики пьют пиво. Не смотри, что у меня тут девственно чисто, я заезжий холостяк, а вот у соседей на участках есть и коровы, и куры, и всякая другая живность, как полагается в наших обычных деревнях. Но, ты знаешь, все как-то очень аккуратно. Я долго к этому привыкал, ждал или пьяных скандалов, или драк, или бесконечного бления. Но нет. Тут ночами так комфортно спится. Опустил голову на подушку – и провалился до утра.

– Работу не пытался искать?

– Пока нет. Сложно сориентироваться. Финансовое положение пока позволяет тунеядствовать.

– Что будешь делать, когда деньги закончатся?

Он пожал плечами, потом взмахом руки с бутылкой поприветствовал соседа:

– Михалыч, привет!

Мужик в белой майке все так же индифферентно кивнул, закуривая вторую сигарету подряд.

– Это, наверно, наше единственное местное исключение, – пояснил Святов. – Пилит свою жену постоянно, по поводу и без повода. Она женщина покорная, терпеливая, но что-то мне

подсказывает, что в один прекрасный день воткнет ему тесак для резки мяса промеж глаз. Не буди лихо, что называется.

– Мне показалось, или у него что-то с рукой? Как-то он неуверенно сигарету держит.

– Да, ты прав. Пальцев не хватает, на производстве когда-то давно потерял. Пособие по инвалидности получает. Может, поэтому и злой, как собака... А вон слева, кстати, Марья Ивановна, совсем как школьная учительница из анекдотов. Двое детей, близнецы Федька и Петька четырех лет от роду. Сорванцы, каких поискать. Их резиновый мячик постоянно ко мне на участок перелетает. Когда я дома, возвращаю сам, а в мое отсутствие повадились, засранцы, через дырку в заборе пролезать. Однажды мангал повалили с углями и пеплом... Мариванна, добрый день!!

Женщина, почти закончившая развешивать белье, с последним полотенцем в руках подошла к забору.

– Здравствуйте, Николай! Скока уж говорила, какая я вам Мариванна! Просто Маша. Как ваши дела?

Она была довольно мила. Сдобная, улыбчивая, с очаровательными ямочками на щеках.

– Вашими молитвами, Маш. Хлебушек у вас вкусный, вчера за милую душу буханку уплеел. Кстати, познакомьтесь, это Сергей, он писатель из Москвы.

– Очень приятно, Сережа! – сказала Мариванна. – Писателей тут у нас отродясь не бывало. Заходите как-нибудь с Колей к нам на чай, поболтаем. Нам будет интересно.

– Спасибо, обязательно, – ответил я и, следуя здешним традициям, добавил: – Хорошего дня!

Когда она вернулась к своим занятиям, я фыркнул:

– Писатель?!

– А ты чего хотел? Назовись тут актером – житья не будет. Привыкай к легенде.

– Попробую.

– Кстати, хорошая семья, – сказал он, следя за соседкой. – Маша дома с детьми, муж Арсений в собственной автомастерской трудится. Пару раз заходил к ним на чай...

Он вздохнул, на минутку задумавшись о чем-то своем.

– Ладно, с аборигенами мы еще познакомимся, Коля. Давай решим, что нам делать дальше.

Он оживился.

– В котором часу они назначили тебе стрелку и где?

– В восемь вечера у Северных ворот.

– Ох уж эти Северные ворота...

– Что с ними не так?

– Излюбленное место для разговоров за жизнь. Там довольно пустынно.

– Что мне делать? Ехать?

– Нет. Без денег останешься, да еще и черепушку проломают.

– Они запросили триста тысяч. Этого хватит?

– С запасом. На эти деньги здесь можно устроить Сицилию времен комиссара Катани.

А если решат стукнуть тебя по кумполу и вытрясти вообще всё, то мне и представить страшно. Ждем звонка.

– Что сказать?

– То, что сказал Дмитрий Анатольевич крымским пенсионеркам. Рабочая схема.

Святов с криканьем приподнялся со скамейки, выбросил пустую бутылку в мусорный бак и пошел в дом за новой партией пива.

В общей сложности мы за пару часов выпили целую упаковку. Даже обычное бутылочное пиво здесь было вкусным. К слову, и опьянеть не получилось. Святов вообще выглядел так, будто ему эта упаковка как слону дробина. У меня же все вышло с потом, даже мочевой

пузырь не стонал. Четкого плана действий мы так и не набросали. Майор настаивал на том, что Петровского нужно выгнать на открытое пространство и заставить действовать без забрала, а уж потом от его телодвижений и отталкиваться. «Пусть он сделает первый ход, тогда можно будет понять, что с ним делать. Пойдет по-хитрому – мы на его хитрую жопу найдем кардан, решится на беспредел – будем ломать рога». На мой вопрос, собирается ли он привлекать местных копов, Святков ответил, что легализоваться здесь непросто. «Полезем в полицию, придется отвечать на вопросы. Я не хочу. А ты?».

Я тоже не хотел.

После обеда я задремал прямо на скамейке, пока Святков возился на кухне со свинными стейками. Опасаясь, что мое лицо сгорит на солнце, он предложил мне кровать во второй комнате. Я принял предложение с неопишуемой благодарностью. Провалился в сон на три часа. Проснулся бодрым, несмотря на вчерашний загул и сегодняшнее пиво. На столе в большой комнате меня ожидало роскошное угощение.

– Садись, – сказал майор и включил телевизор. Мы начали обед под выпуск федеральных новостей, из которого я узнал, что Россия (*эта Россия*) входит в десятку экономик мира, что спикеру Сената угрожает импичмент из-за подозрений в лоббировании интересов некоторых металлургических компаний, что сборная страны по футболу после четырех отборочных матчей чемпионата мира занимает первое место в группе, и многое другое.

Увидев мое ошеломленное лицо, Святков переключил телевизор на музыкальный канал, где крутили джаз.

– Не смотри, а то аппетит потеряешь. Я по этой причине компьютер не купил. От местного интернета я сошел бы с ума.

Они позвонили в восемь-двадцать. Святков успел отпустить комментарий:

– А нервы у них будут покрепче, чем я думал.

– Угу. И ты прав насчет Петровского. Мой номер здесь мог знать только он.

Выждав несколько секунд, я нажал кнопку ответа.

– Слушаю.

– Ты, кажется, чего-то не понял, – прогудел знакомый голос. Со мной говорил тот же человек, что и утром в гостинице.

– Будь добр, объясни. Может, пойму.

– Твой друг должен нам триста штук. Хочешь получить по почте его яйца в конверте?

Я хмыкнул. Как все это напоминало наш сериал! Какие-то эпизоды получались вменяемыми, но когда кресло сценариста ввиду экономии бюджета занимал молодой графоман, завербованный на интернет-бирже для писателей, начиналась ржачка. Кажется, этот диалог писал кто-то из них.

– Предпочитаю яичницу из куриных яиц. Гениталии этого парня меня не возбуждают.

Мой собеседник озадаченно дышал. Мне удалось ненадолго сбить его с толку. Но триста тысяч – слишком жирный пирог, чтобы выбросить на ринг полотенце после первого нокдауна.

– Ты неадекватно оцениваешь ситуацию.

Я переглянулся с майором. Святков кивнул: мол, продолжай в том же духе.

– Ладно, мой жадный друг. Для начала мне нужно услышать его голос, чтобы удостовериться, что его мошонка на месте.

Снова пауза. Второй нокдаун?

Послышалось какое-то шевеление и разговор на заднем плане. Через несколько секунд со мной заговорил Петровский.

– Привет, старик. – Голос звучал подавленно. – Прости за эту подставу. Пьяный был вчера, понесло дурака, попался как лох. Не знаю, как быть. Ты же поможешь мне откупиться? Я отработаю, клянусь...

– Женя, не лепи горбатого. Решил вернуться к своей профессии?

Молчание в трубке. Я напирал:

– Сколько ты воровал во время своих прежних избирательных кампаний? Не хватало официального вознаграждения? Вот на своей жадности ты и погорел, старик.

Он шмыгнул носом. Голос изменился. Теперь он угрюмо бурчал:

– Не понимаю, о чем ты.

– Все ты прекрасно понимаешь. Портье тебя сдал. Не надо было жадничать.

По моим прикидкам, сейчас он должен будет включить другую песню: обрисовать мне перспективы, которые откроются после обильных инвестиций в предвыборную гонку. Так и вышло.

– Вот оно что. Да, надо было ему накинуть... Серега, ты просто не понимаешь. С твоими финансовыми возможностями мы здесь прекрасно устроимся. Ты же не собираешься проедать свои деньги?

– Нет. Но ты-то чего роток на них разинул?

– Я просто предлагаю тебе инвестиции. У меня уже есть нужные люди, готовые всерьез...

– Стоп, стоп, не пыли. Мне это уже не интересно. Хотел предложить во что-то инвестировать – так бы и предлагал, а не бил меня по морде. Поздно пить боржоми.

Он хмыкнул.

– Майор уже прочистил тебе мозги, да? Он ведь давно висит у меня на хвосте, и я это вижу. Теряет хватку старый лис.

– Это не так важно.

– А что важно?

– То, что мы с ним солидарны. Я помню твою биографию, и здесь тебе делать нечего. Хочешь вернуться к прежней жизни прожорливой моли, ищи способ проскочить через нору обратно. Я уверен, он есть, и ты его рано или поздно найдешь. Я даже готов до тех пор оплачивать твои завтраки в «Пчеле»... Хотя постой, у тебя вроде и так все в порядке – офис в центре, все такое. Вот и занимайся делом, переквалифицируйся в управдомы. Но подрывную деятельность на этой территории, если ты ее планировал, прекрати..

– А кто мне запретит? Ты? Или твой Дед Мороз?

Мы со Святовым снова переглянулись. Николай показал мне большой палец: все отлично.

– А хоть бы и так.

Петровский повел себя неожиданно. Он... рассмеялся. Причем у меня не было оснований считать этот хохот наигранным. Кажется, он совершенно искренне потешался надо мной.

– Что смешного я сказал?

– Ты не представляешь, с чем вам придется столкнуться! Это не кино, Косой, и сценария у тебя на руках нет.

– То есть ты настроен решительно?

– Почему нет? Каждый зарабатывает как может. Я же не запрещаю тебе устроиться в местный дворец культуры массовиком-затейником. Вперед и с песней! Я не мешаю тебе, ты не мешаешь мне. Подумай над этим. Будь здоров!

Он отключился.

Святов внимательно изучал мою реакцию. Все время разговора он сидел рядом со мной за столом и слышал все, что было нужно.

– Какие у него возможности? – спросил я.

Майор вздохнул.

– Тут их пруд пруди. Народ-то непуганый.

7. Лучшая рыба – это колбаса

Тут, пожалуй, можно отвлечься от моей скромной персоны – тем более что ничем продуктивным в тот вечер я не занимался. Я посвятил его пешим прогулкам по кварталу, в котором мне предстояло жить какое-то время. Я вышагивал по узким асфальтированным улицам спального района, наблюдал за людьми, многие из которых со мной здоровались. Святков не врал: вечером эти пряничные домики, спрятанные за рядами пышных ив, действительно оживали, наполнялись суетой и голосами, а со дворов на улицу тянулись совершенно чумовые запахи свежих овощных салатов и жареного мяса. Мне вспомнилось мое деревенское детство: можно было выйти на улицу, и у каждого дома с тобой обязательно кто-нибудь поздоровается, хотя видит раз в год в разгар лета, и чем-нибудь обязательно угостит.

Ну да ладно, оставим меня на время в покое и перенесемся в другую часть города. Подробности эпизода, о котором я хочу рассказать, мне стали известны позже, но я приведу их сейчас, дабы соблюсти хронологию повествования.

Для начала попробую представить, чем занимался один из героев эпизода тем тихим замечательным вечером. Допускаю, что после возвращения из офиса своего рыбзавода он отпустил домработницу, переоделся в пижаму, заварил крепкого чаю с малиной и уселся перед телевизором. На журнальном столике перед ним веером расстелились сегодняшние газеты. В них было много материалов, посвященных грядущим выборам. По диагонали пробежав актуальные заметки, мужчина принялся щелкать кнопками на пульте.

В новостях его тоже преследовали выборы. В частности, вопиющее безобразие от действующего главы муниципалитета Константина Крутова. О да, он может себе это позволить. Вот он инспектирует сиськи коров местных ферм, вот он берет в горсть комбикорм и чуть ли не пробует его на вкус. Весь из себя крепкий хозяйственник. И пусть местный телеканал «Край-ТВ» не входит в число его активов (сам-то он владеет лишь лесопилкой и небольшим мебельным цехом), тамошние менеджеры определенно получали от него в минувшие шесть лет некие преференции, а посему с удовольствием их отработывали.

Где справедливость?!

– Вот же черт, – говорит владелец рыбзавода и переключает канал. Лучше посмотреть детектив.

Но мысли о предстоящих дебатах с Крутовым и еще одним кандидатом – молодым выскочкой Владимиром Пахомовым – не покидают его. Эфир уже через неделю, и он понимает, что ему нужно прыгнуть выше головы, чтобы вырвать необходимые для прохождения во второй тур проценты. Народ в Крае инертен, к резким переменам не привык. Пусть Крутова в глубине души недолюбливают, склоняют его на все лады на вечерних кухнях, но он уже знакомый и предсказуемый сукин сын. Чтобы заменить его на другого, нужны веские причины.

Неужели снова провал?

И тут раздается звонок в дверь...

– Опять вы? – восклицает Валентин Хилькевич. – Без звонка?

– Да, – с улыбкой отвечает Евгений Петровский. – Количество ваших ступеней я сосчитал в прошлый раз. Может, все-таки стоит поработать над нашим взаимопониманием?

Окинув взглядом сегодняшних сопровождающих политтехнолога, Валентин Рудольфович принимает решение не упорствовать. Кавалькада знатная: двое телохранителей с явным перераспределением массы мозга в пользу мускулов, еще один такой же тип в дорогом костюме и с папкой в руках, плюс в машине насупленный водитель.

– Ладно, заходите. Только будьте лаконичны.

Они прошли в дом, устроились в просторной гостиной. Воды гостям хозяин не предложил, указал на широкий диван, а сам уселся в кресло напротив и в ожидании устался на Петровского.

– Слушаю ваши аргументы.

Политтехнолог приосанился. Сегодня он выглядел совсем не так, как в прошлый свой визит. Теперь это был не «парень с улицы» в потертом сером костюме, предлагающий купить вечную иглу для примуса, а вполне респектабельный джентльмен, у которого есть товар посерьезнее.

– Итак, – начал гость, – насколько могу судить по вашей активности, вы в цейтноте?

– Допустим.

– И никаких светлых идей у ребят из вашего предвыборного штаба пока нет?

– Без комментариев.

– А вам не жаль средств, потраченных на этих бездельников? Право слово, Валентин Рудольфович, вы же бизнесмен!

– Где-то теряешь, где-то находишь, это издержки бизнеса.

– А если я вам скажу, что не все еще потеряно? – Петровский подался вперед.

– Что-то изменилось со дня нашей последней встречи?

– Возможно.

– «Возможно» или «изменилось»?

Политтехнолог не ответил. Вместо этого просто кивнул своему помощнику в дорогом костюме.

– Вы позволите воспользоваться вашей техникой?

– Извольте.

Человек подошел к стойке аппаратуры, неспешно открыл молнию папки, вынул диск в тонкой коробке.

– Что это? – поинтересовался Валентин Рудольфович. Впервые, пожалуй, на лице его отразилось хоть какое-то подобие любопытства. Петровский вновь не удостоил его ответом.

Помощник, между тем, привычными движениями, легко ориентируясь в чужой бытовой технике, пристроил диск в плеер, нажал несколько кнопок на пульте.

Все присутствующие уставились на экран – все, кроме Петровского. Он с хищным выражением наблюдал за реакцией хозяина дома. Он, разумеется, уже изучил вдоль и поперек видеозапись, которую сейчас предстояло увидеть рыбному магнату, и ему не терпелось узнать, как воспримет ее потенциальный протез на выборах.

Реакция не заставила себя ждать. Когда пошли первые кадры, в глазах Хилькевича застыло удивление... через минуту сменившееся неподдельным азартом, даже возбуждением. Так неопытный рыбак, отчаявшийся поймать за день хотя бы хиленького окуня, вдруг почувствовал, как на крючке бьется крупная добыча.

Запись длилась примерно четыре минуты. Помощник политтехнолога нажал кнопку «стоп». В гостиной повисла тишина. Петровский не торопил события.

– Откуда у вас это? – нарушил молчание Хилькевич, задумчиво потирая подбородок.

– Это важно?

– Это очень важно. В нашем городе давно не было ничего подобного. Это может подорвать...

– Подорвать устои общества? – Петровский хмыкнул. – Там, откуда я приехал, очень популярен в узких кругах один фильм. В нем мне очень нравится диалог: «Ты видишь суслика? И я не вижу. А он есть».

Хилькевич нахмурился.

– Переведите.

– Если вы чего-то не видите, это вовсе не означает, что этого не существует.

Рыбный магнат колебался. От мимолетного азарта не осталось и следа. Он смотрел в потускневший экран телевизора и размышлял. С одной стороны, этот ушлый политикан, свалившийся неведь откуда, предлагал действительно эффективный метод устранения главного фаворита предвыборной гонки, а вот с другой... как бы самому не замотаться в саван.

– Что вы предлагаете? – спросил он.

– Для начала все это обдумать и взвесить. Переспать с этим, как говорят в наших местах. А после вы озвучите свой вердикт, и мы либо набросаем план действий и приступим к его реализации, либо...

Политтехнолог сделал театральную паузу.

– Либо? – напрягся хозяин дома.

Петровский растянул губы в улыбке.

– Мы просто расстанемся. – Он поднялся с дивана, знаком велел своим спутникам следовать за ним. – Диск мы пока оставим себе, если вы не возражаете. А то мало ли что...

Провожая делегацию на крыльце, Хилькевич напоследок спросил:

– Откуда же вы, я так до сих пор и не понял?

– Здесь недалеко.

8. Давно не брал я в ноги мячик

На следующее утро я вспомнил, что значит «проснуться с первыми петухами». За окном, едва забрезжил рассвет (я плохо сплю на новом месте, поэтому ночью периодически размыкал глаза и проверял время на смартфоне), раздалось истошное кукареканье. Хотя и напоминали эти пряничные домики какой-нибудь пригород Лондона, но все же это...

– Русь-матушка, – пробормотал я, поднимаясь с дивана.

На соседском дворе кто-то уже гремел жестянками. Наверно, это супруга соседа Михалыча, что сидел вчера на крыльце в майке-алкоголичке и курил сигарету за сигаретой. Я с усмешкой подумал, что женщина уже подбирает оружие, чтобы обрушить супругу на голову, пока он спит.

В опровержение моих мыслей сквозь открытую форточку донеслось мужское ворчание:

– Да что ж ты, мать, опять тут развела!... Иди вон... туда вон!

– Да, точно Русь, – повторил я.

В соседней комнате громко храпел Святков. Вчера после прогулки по окрестностям я предпочел лечь спать, а Николай еще долго сидел на крыльце. Очевидно, время, проведенное в Крае, – без работы, привязанностей и перспектив – не очень позитивно сказалось на его образе жизни. Как бы мне до такого не докатиться.

Я вышел на крыльцо, огляделся. Городок просыпался. К нашему соседскому петуху присоединились сородичи с окраин, и вскоре весь квартал наполнился этим кукареканьем, которое настолько диссонировало с пасторальным европейским пейзажем, что я не смог удержаться от хохота.

– Что смешного? – услышал я сварливый мужской голос. Обернулся. Михалыч все в той же майке ковырялся у своего крыльца возле какой-то странной железки, напоминавшей сушилку для белья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.